

Рождение Зоны

Автор:

Андрей Левицкий

Рождение Зоны

Андрей Левицкий

Апокалипсис-СТЯ – Сталкер #7

Отправляясь в опасный поход, Химик и Пригоршня не подозревали, какой сюрприз им приготовила судьба: они оказались в месте, породившем Зону. Истинные, ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ аномалии и артефакты находятся только здесь – и только здесь можно узнать всю историю Зоны, понять главную причину ее возникновения и найти того, кто дал исходный толчок к зарождению Мира Сталкеров.

Этот суровый край, переживший страшную войну, погибает; времени осталось совсем немного. Двух сталкеров ожидают долгий и опасный путь, схватки с агрессивными тварями, борьба со стихией и предательство недавних союзников. Получится ли сыграть по чужим правилам, остановить надвигающуюся беду и вернуться домой?

Андрей Левицкий

Я – сталкер. Рождение Зоны

© А. Левицкий

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Сначала я почувствовал, что существую – не живу, нет, я просто есть и пока непонятно, в какой форме. Ни боли, ни ощущения тела – ничего. Наверное, я умер, и завис посреди звенящей темноты.

Постепенно стали приходить ощущения: болит голова после контузии, ломит поясницу, саднит ключица, растертая лямкой рюкзака. Вроде дует ветер, а под щекой – что-то твердое. Камень? Открыть глаза пока не получается. Рядом кряхтит Пригоршня. Это что, мы вместе попали на тот свет?

Выстрелов не слышно, голосов тоже. Пытаюсь пошевелиться и начинаю чувствовать свое тело, меня будто через мясорубку пропустили. Хочу позвать Пригоршню, но не могу открыть рта. Да что ж за наказание такое?!

С трудом удастся разлепить веки. Я щурюсь и вижу серую, будто свинцовую траву. Пригоршня ругается, желает смерти натовцам и клянется им отомстить. На душе пусто и грязно, как в комнате после вечеринки – валяются обрывки эмоций, чаяний, стремлений.

Давай, Химик, бери себя за задницу и поднимайся! Напряг мускулы, но лишь перевернулся на спину и уставился в сизое небо. Мир черно-белый – наверное, у меня что-то с глазами: какое-то асфальтовое небо без проблеска солнца, однотонное и мрачное. Сопки, покрытые тускло-серой короткой травой. Прохладный ветер, трава бумажно шелестит.

- Засоси меня в «центрифугу»! – прохрипел я. – Пригоршня, ты видишь то же, что и я?

- Офигееет! – протянул Пригоршня, стаскивая шляпу.

Я проморгался, но цвета не вернулись в мир. Высоко над нами кружили птицы, с такого расстояния даже не понятно, большие или нет.

- Куда это мы попали? Или нас глючит?

- Вот не знаю, – я осмотрелся и обнаружил свой рюкзак, раскрытые контейнеры с артефактами и винтовку.

- Андрюха! – Никита сел на траву. – Мать моя Зона, мы чего, умерли?

Я провел рукой по траве – она была сухой и колючей, как в Крыму в августе. Только по-прежнему серой. Ну, почти серой.

- Никита, ты цвета видишь?

- Чего?

- Трава, небо... Какого цвета?

- Серого.

Ага, значит, это не глюки, значит, так на самом деле.

- Я не верю в загробный мир, – произнес я. – Я, вашу мать, материалист! Но такого в Зоне быть не может. И американцев, заметь, нет.

- Мы что, сюда... переместились?

Придерживая шляпу, Никита осмотрелся. Я встал рядом. Ни черта не увидишь – сопки, да и все тут. Надо карабкаться на ближайшую вершину.

– А если мы переместились... Может, и Энджи переместилась? Она же была рядом?

– Не знаю. Вряд ли, – вздохнул я. – Кажется, до меня дошло, что это было за Зерно. То сооружение под землей – телепорт, а двери с табличками – проходы в другие реальности. Вот нас и занесло в одну из этих... в один из этих миров.

– И что теперь делать? – спросил Пригоршня. – Тут хоть люди есть?

– Ничего не знаю, – я собрал контейнеры, запихнул в рюкзак и нацепил его. – Идем, разведаем, обитаем ли этот мир.

Мы начали карабкаться на ближайшую серую сопку. Что нас ждало впереди – трудно было даже представить.

Глава 1

Если поначалу мне, оглушенному произошедшим, казалось, что здесь довольно тепло, то вскоре я понял, что ошибся. Низкое серое небо выглядело однородным: ни завихрений туч, ни солнечного пятна, ни просветов.

Периодически налетали порывы ледяного ветра, до того сильного, что Пригоршня обеими руками вцеплялся в полы шляпы. Ветер задувал под одежду, хватал за нос, а затем стихал, будто кто-то огромный и невидимый выключал вентилятор.

Пейзаж не отличался разнообразием – почувствуй себя героем черно-белого фильма, называется. Невысокие холмы изгибались плавно, как прилизанные, и топорщились иголками сизой травы, едва похрустывающей под ногами. Уже метрах в двухстах все тонуло в тумане. С одной стороны холмы были чуть крупнее.

И ни единого признака цивилизации. Хотелось надеяться, что хоть сопки скрывали от нас что-то полезное.

– Потопали туда, – сориентировал я друга, – видишь, где сопки повыше? Вдруг за ними какое-нибудь поселение?

– Вроде да. Блин, холодно-то как!

Очередной порыв ветра ударил сбоку, лицо и руки тут же заledenели.

– Вообще не холодно, – поправил я, – ветер просто...

– Ага, родная Зона райским местечком кажется. Как думаешь, Химик, есть здесь кто?

Мы, выбрав направление, спустились в ложбину между сопками. Здесь не доставал ветер и было теплее, но и более влажно – на дне выемки колыхался туман. Пригоршня вдруг споткнулся и упал, выставив руки.

– Твою ж в душу Зону мать! – выругался он.

В тумане ничего не было видно, и я решил, что друг зацепился за корень или камень, но до боли знакомый хрип заставил насторожиться. Пригоршня медленно встал и обернулся. Лицо его побелело, рот приоткрылся, шляпа съехала на одно ухо.

– Слышишь? – одними губами прошептал напарник.

Между нами, на земле, что-то невидимое ворочалось и кряхтело.

Прошло несколько секунд, прежде чем я вспомнил, где слышал эти звуки раньше: упырь. Никита умудрился наступить на спящего упыря!

Мы замерли, боясь пошевелиться. Оставался мизерный шанс, что мутант, не любящий дневного света, снова заснет. Пока он не атаковал, по крайней мере. Наверное, отдыхал в низине, переваривал пищу, а тут бесцеремонный сталкер ему на конечность наступил...

Вообще упырь – тварь быстрая и опасная. А главное, невидимая: эти мутанты – непревзойденные мастера маскировки, сливаются с окружающей средой так

хорошо, что только в движении и заметны. К счастью, упыри не любят открытых пространств и солнца. Этот, наверное, охотился ночью (если здесь бывает ночь) и кого-то сожрал, после чего отяжелел и решил заночевать на месте.

Никита пришел к тем же выводам. А еще он решил действовать на опережение: быстрым движением перекинул дробовик в руку и пальнул от бедра по предполагаемому упырю.

Грохнуло, звук отразился от склонов холмов. Упырь взвился вверх, стремительный, как распрямившаяся пружина.

В момент атаки его стало видно: крупный, человекообразный, со слишком длинными руками, чересчур гибкими, и со щупальцами у рта. Щупальца шевелились, мутант загребал руками и вертел башкой из стороны в сторону. Никита не попал по нему. Красноватые глаза под тяжелыми надбровными дугами подслеповато щурились.

Пригоршня отшатнулся, снова прицелился в него от бедра, но мутант отпрыгнул в сторону, огибая нас по широкой дуге. Мы едва успевали следить за ним.

– Патроны береги! – крикнул я Пригоршне и выхватил нож.

Вот и пригодился «Пентагон».

Ходили слухи, что упыря можно убить с одного удара ножом, правда, для этого нужно было подобраться к твари почти вплотную и не попасть в лапы: пальцы мутанта заканчивались присосками не менее опасными, чем ротовые щупальца. Стоило упырю присосаться – и все, хана, останется от тебя через несколько минут пустая, высушенная оболочка.

– Дохлому патроны ни к чему! – возразил Никита.

Мутант, видимо, очумел от неожиданного пробуждения и растерялся, и только поэтому мы были еще живы. В словах Пригоршни был свой резон, мертвецу припасы не пригодятся, но тратить драгоценные патроны в первой же схватке – безумие. Неизвестно, что ждет нас здесь, уж точно не военные склады, и вряд ли мы сможем пополнить боезапас.

Упырь начал сливаться с серой травой – адаптируется, гад, мимикрирует.

Я перехватил нож поудобнее, чувствуя, как вспотела ладонь.

После схватки с натовцами прошло совсем немного времени, организм не успел восстановиться, отдохнуть, и стресс от встречи с мутантом оказался сильнее, чем обычно. Тем более что встретить здесь подобную пакость я не ожидал.

– Ну, я тебе, поганец! – выдохнул Пригоршня и снова жажнул из дробовика.

На этот раз он, кажется, попал – нечеткий силуэт отскочил в сторону, пропал из поля зрения – видимо, упал – и по ушам резанул вопль раненного упыря.

Вообще они редко кричат, в основном хрипят, как английские бульдоги.

Ставший частично видимым (серая маскировочная окраска пошла природными ржавыми пятнами), упырь поднялся и кинулся на Никиту.

Я, собрав в кулак всю волю, напал на мутанта со спины. Это только кажется легким, на самом деле, от упыря хочется драпать, теряя штаны, а не бить его.

В несколько шагов преодолев разделявшее нас расстояние, я примерился и рубанул ножом наискосок по шее, сбоку, где у людей проходит сонная артерия. Расчет мой оказался верен: фонтаном брызнула кровь, упырь, вопя, завертелся на месте, стараясь зажать рану ладонью. Алая кровь на серой траве была слишком яркой для этого мира и смотрелась противоестественно.

Оторопев, мы с Никитой наблюдали происходящее. Присоски на длинных пальцах зашевелились, почуяв кровь, пришли в движение и щупальца. Видимо, сработали инстинкты: руки упыря рванулись к шее, раздался противный всасывающий звук.

Казалось, мутант пожирал сам себя, и получился бы замкнутый цикл, если бы часть крови (и довольно большая) не выливалась. Она ручьем стекала по шее, по боку, капала с плеча, и, наконец, колени мутанта подломились.

Пригоршня передернул затвор, но я остановил его:

– Нет. Сам сдохнет. Все-таки побереги патроны.

Упырь, обмякнув, рухнул на бок. Щупальца уже не шевелились, и руки ослабли – он разжал рану. Я отвернулся.

– Ничего себе неделька начинается, – процитировал Никита старый анекдот. – Кто бы мог подумать, что здесь упыри водятся?

– А может, не водятся? Может, натовцы пустили какой-то газ, и мы с тобой радостно галлюцинируем, а реальность в виде упыря вторгается в наши видения? И не сопки это на самом деле, а деревья, и мы в лесу...

– Ты это. Завязывай с философией. Так и крышей поехать недолго. Просто раз мы сюда попали, то и упырь мог, понимаешь?

Версия Пригоршни была рабочей, но мне не нравилась: конечно, одинокий упырь мог проникнуть... но неужели он тоже активировал Зерно? Ответа на этот вопрос пока не было.

– Слушай вот что, Пригоршня, – проговорил я. – Это не Зона просочилась сюда, а наоборот, понимаешь? Упырь – местный житель, и когда корабль, телепорт – не знаю, – с существами, которые спасались из этого мира, пробил дыру в ткани пространства-времени, в Зону случайно попали местные обитатели и размножились. Значит, и аномалии тут имеются, надо быть осторожными.

– Во как! Ну а чё, похоже на правду.

Вроде бы, начинало темнеть, но ледяной ветер сдул туман, и окружающий пейзаж стал более четким.

– Пора идти, а то задубеем, – напомнил Пригоршня. – Если за сопками нет жилья, хана нам.

– Пойдем... – я задумался. – Только давай осторожно. Как по Зоне. Если здесь есть упыри, аномалии не заставят себя ждать.

– Да ладно тебе... – Никита нахмурился. – Но да, ты прав: лучше быть живым параноиком, чем мертвым оптимистом.

С этим выводом трудно было не согласиться. Мы потоптались на месте, убедились, что упырь благополучно издох, и принялись карабкаться на следующий холм.

Когда взобрались на вершину, мое сердце забилося чаще: вдалеке виднелись очертания... Я не поверил своим глазам! Город! Или это скалы такие? Нет-нет, город поблескивает стеклами. Жаль, бинокля с собой нет.

– Ты видишь то же, что и я? – радостно спросил Пригоршня.

– Да, но я не стал бы радоваться. Во-первых, мы не знаем, обитаем ли он. Во-вторых, даже если там кто-то живет, где гарантия, что это люди? Я вообще не уверен, что это город – очень уж конфигурация странная.

– Да уж, – напарник потух и поежился.

Очередной порыв ветра сдул с него шляпу, и она повисла на шнурке за спиной. Он запрокинул голову и присвистнул. Я точно так же посмотрел в серое небо: на высоте метров в пятьдесят над нами кружились огромные птицы. А вдруг не птицы, вдруг драконы? Издали не различить деталей.

– Уж не по наши ли туши? – задал я риторический вопрос и, потрясая АК, пригрозил крылатым. – Здоровенные. Размером с корову, как минимум. И еще сдается мне, что уже смеркается, неплохо бы найти укрытие. Так что иного пути, кроме как в город, у нас нет. Ходу?

– Ага. Костерок разведем, согреемся.

Шли мы быстрым шагом, взмокли, но движение не согревало: стылый ветер пробирал до костей и выдувал слезы. Проклятые твари все так же кружились над нами и начали спускаться. Мы увеличили темп, но бежать со всем снаряжением было проблематично. К тому же после контузии кружилась голова и подташнивало.

Немного радовало, что стали попадаться кусты – круглые, похожие на укоренившееся перекасти-поле, с бледно-зелеными листьями, больше напоминающими округлые сосновые иголки. Трава тоже стала выше, но была по-прежнему тусклой и шелестела, как целлофан.

– Полиэтиленовый мир, – не выдержал я. – Воды нет, растительности нет, населена роботами.

Пригоршня остановился и хлопнул себя по фляге, что висела на поясе. Поболтал ее и скривился:

– А воды-то мало. Еще есть чекушка водки – от радиации. Что делать будем?

– Успокойся, не паникуй. Если тут растет трава, то и вода должна быть. Тучи-то видишь? И туман.

Внезапно жутко захотелось пить. Я отцепил флягу, но едва свинтил крышку непослушными, посиневшими от холода пальцами. Н-да, плохо дело. У нас, конечно, есть спальники, но одежда рассчитана на начало лета – тяжело будет. Придется местную живность убивать и пускать на шкуры. Хорошо, если тут весна и скоро потеплеет, а вдруг осень, и самые суровые холода еще впереди?

Сейчас мы миновали холмистую местность и шагали по равнине, изрытой небольшими оврагами, где, колыхаясь, лежал туман. К счастью, аномалии встречались очень редко – всего один-единственный раз мы обнаружили «центрифугу». Но расслабляться, понятное дело, не стоило, и мы бросали перед собой камешки известняка – благо, их тут было в изобилии.

Стервятники все еще нарезали над нами круги. И с чего они взяли, что мы собрались помирать? Или просто ждут, что ослабнем, присматриваются? Вскоре стал слышен их клекот – что-то среднее между курлыканьем журавля и скупым карканьем ворона.

Первым услышал звон воды Пригоршня. Товарищ заулыбался и ткнул пальцем вперед и правее:

- Там ручей! Вода!

Он бросился к ручью, который прорыл в почве неглубокий, с полметра, овражек.

- Стоять! - крикнул я, на всякий случай посмотрел на дозиметр, но он выключился во время перехода.

- Ну, чего еще? - возмутился Пригоршня.

- Подожди. Вдруг она заражена? Мы же не знаем, что это за мир.

Счетчик Гейгера заверещал и показал радиационный фон, в два раза превышающий норму. Пригоршня выругался и всплеснул руками.

- Сюрприиииз, - протянул я. - Интересно, это так и было или тут прокатилась ядерная война?

- Хрен его разберет.

Между тем, твари, которых мы перестали замечать, спустились и кружили над нами метрах в тридцати, как вражеские истребители. Теперь было ясно, что они больше напоминали драконов: рукокрылья, задние лапы, хвост, тело скорее птичье, с мощным килем. Здоровенные, смотрят на нас и облизываются.

- Валим отсюда, - посоветовал я.

Пригоршня шумно вздохнул и заключил:

- Когда окопаемся, надо будет ревизию провести, сколько у нас чего осталось. Патронов после перестрелки с натовцами и правда маловато.

- То-то и оно. На этих, - я кивнул на тварей, - тратить не хочется.

Когда приближаешься к городу, хочешь ты того или нет, слышишь его шум - транспорт, голоса, сейчас же ничего этого не было: клекотали хищники, завывал ветер, сухо шелестела трава. Вспомнилось: «Ведь я сажаю алюминиевые огурцы.

На брезентовом поле».

Черная громада впереди приобрела очертания города, разделилась на небоскребы. Теперь можно было различить слева прозрачный стеклянный купол весь в трещинах. Смеркалось, но не зажглось ни огонька.

С одной стороны, хорошо, что город брошен – будет, где переночевать, никто нас не убьет, но почему-то не оставляло дурное предчувствие. Как ночью на кладбище: понимаешь, что зомбак не вылезет и тебе ничего не угрожает, но все равно ожидаешь подвоха. Может, потому что в брошенных домах Зоны водилась всякая мерзость?

Драконы поднялись выше и встревоженно заклекотали. Пригоршня запрокинул голову, прищурился:

– Не нравится мне, как они себя ведут. Словно их что-то напугало.

Я запрокинул голову, стер со щеки капли дождя:

– Все нормально. Дождь начинается, их к земле прибывает, вот они и печалются.

– Дождем, что ли, прибывает?

Вдаваться в подробности и объяснять законы аэродинамики я не стал и оставил вопрос Никиты без ответа. Пусть думает так. С одной стороны, хорошо, что твари отстали, но с другой – если намокнем, нам конец: или замерзнем насмерть, или подхватим пневмонию.

– Давай-ка шевелить конечностями, – предложил я и побежал трусцой.

Башка разболелась с новой силой – сказала недавняя контузия. Некоторое время я терпел, но когда перед глазами заплясали разноцветные круги, поубавил темп. Вот сейчас свалюсь, и тогда точно хана: Пригоршня меня не утащит. Придется выбирать: бросать рюкзаки или меня.

Зарядил мелкий колючий дождь. А может, не дождь это вовсе, просто туман оседает? Видимость ухудшилась, и город растворился в мареве. Драконы скрылись: либо улетели, либо их заслонили оседающие тучи.

Пригоршне меньше досталось во время боя, он обогнал меня метров на двадцать и сейчас дожидался.

– Что-то ты совсем хреново выглядишь, – посочувствовал он.

– Легкая контузия, – отмахнулся я. – Пройдет.

– Тошнота есть? Если есть... – он смолк, насторожился, пристально вглядывался вдаль.

Его тревожность передалась мне, и я невольно обернулся, но позади по-прежнему клубилось бесконечное белесое марево. Меня гораздо больше волновало, что одежда отсырела и, стоило остановиться, холодила спину.

– Что ты там... – проговорил я и осекся – заметил в мареве смутный полупрозрачный силуэт – вроде человеческий, но сутулый, длиннорукий. Один, второй, третий. Мгновение – и они слились с туманом. Но если напрячь зрение, их видно: туман висит клочьями, и твари не успевают мимикрировать.

– Упыри, – прошептал Пригоршня и вцепился в дробовик. – До фига, от них метров триста. Не отобьемся. Драпать надо.

– Город далеко, догонят, – резюмировал я. – Разве что бросим поклажу.

– Не вариант, без снаряги – гибель. Короче, идем, пока идет, только быстро, а потом... – он задумался.

– Отбиваемся, пока есть патроны. Последний пускаем себе в голову. Бежим, не стой столбом.

Будто по команде мы рванули к городу. Двигался я на автопилоте. Каждый шаг отзывался болью в голове, подкатывала тошнота, но жажда жизни задействовала скрытые резервы организма, и сил пока хватало.

Бодрый, полный сил Пригоршня вынужден был останавливаться, с тревогой поглядывая назад. Глаза его округлились, проступил румянец на щеках, движения стали резкими, нервными. Его печалила участь Кука, съеденного аборигенами. Меня она печалила бы гораздо больше, но на первом месте стояла задача не протянуть ноги прямо сейчас.

- Поторопись, а? Они приближаются.

- Стараюсь, - прохрипел я и прибавил скорость.

Пригоршня выругался и выстрелил в туман из дробовика. Упыри заухали, застрекотали. Оказывается, два мутанта были от нас метрах в пятидесяти, их зацепило дробью, и они проявились.

- Вот же сучьи псы! - выругался я и из последних сил рванул вперед.

Никита огляделся и пальнул вбок:

- Гады, окружают! И откуда их здесь столько?

Пришлось взять в руки винтовку. Теперь мы двигались бок о бок, готовые в любую минуту вступить в неравный бой. И умереть - вариантов спасения я не видел. Хотелось бы, чтобы вернулись драконы и начали драться с упырями за добычу, но такое возможно только в голливудских фильмах, в реальности же крылатые твари ретировались, напуганные количеством противника.

Даже природа встала на сторону упырей: туман сгустился настолько, что в десяти метрах ничего не было видно. Будь у нас, как у Сталлоне, чудо-пулемет, где самозарождались патроны, мы бы, конечно, отбились, поливая пространство вокруг свинцом, но приходилось экономить боеприпасы и рисковать, ведь в любую минуту из тумана мог выпрыгнуть упырь.

Мутанты замыкали нас в кольцо и пока держались на расстоянии - ждали, когда туман станет гуще. А мы плечом к плечу двигались к цели, понимая, что не успеем. То и дело я ловил себя на мысли: «А ведь у тебя ничего не осталось: ни дома, ни родины, ни работы. Только Пригоршня. Это и есть теперь твой мир, держись за него». Действительно, пусть лучше я умру раньше, чем он, чтоб

одному бесприютно не скитаться...

Справа промелькнул размытый силуэт упыря, отвлек от мысли, я проводил его стволом винтовки, выдохнул с облегчением: не напал мутант, еще не время.

Апатия схлынула, на ее месте разрослась здоровая злость. Когда понимаешь, что не получится, хочется добиться своего вопреки всему.

– Вот же гады, – бормотал Никита. – За своего мстят. Падлы! Похоже, хана нам. Братья-сталкеры скажут, что Химик с Пригоршней пропали без вести.

Из тумана выплыл холм размером с легковой автомобиль, я прицелился туда. Будь я упырем, устроил бы засаду именно за ним. Пригоршня тоже так подумал и замедлил шаг.

И вовремя – заколыхался туман, метнулся на нас. Я выстрелил одновременно с Пригоршней, упал, откатившись к бугру. На месте, где мы только что стояли, извивались проявляющиеся упыри, пятная алой кровью целлофановую траву.

Заряжая дробовик, Пригоршня уперся в холм, я залег рядом, прикрывая напарника. Услышав придушенный возглас, рывком обернулся, готовый открыть огонь, но не упырь напал на Пригоршню: с холма сошел пласт грязи, обнажив блестящий металл.

Никита принялся разгребать холм прикладом, оглядываясь по сторонам, и вскоре стало ясно, что это – занесенное пылью строение, формой напоминающее юрту с плоской верхушкой.

– Жилье, – проговорил Пригоршня, ощупывая стены. – Прикрывай.

Отступив к строению, чтобы не подставлять врагам спину, я водил винтовкой по сторонам. Взволнованные гибелью соплеменников, упыри стрекотали и щелкали, колыхался туман, и трудно было предугадать, откуда они набросятся.

– Что ты копаешься! Быстрее, твою мать! – проговорил я, уперся в присыпанную землей стену. Нога нащупала выступ. Не теряя бдительности, я «берцем» скovyрнул грязь и обнаружил стальную лестницу, ведущую наверх.

– Сюда, Никита, скорее!

Взмокший Пригоршня начал восхождение с дробовиком наготове. Ругнулся, поскользнувшись, но устоял. Внизу промелькнул полупрозрачный упырь, я жахнул по нему, промазал. Напарник шагнул на середину крыши, попрыгал... Раздался скрежет несмазанных механизмов, и Никита провалился внутрь.

Это же телепорт! Не веря в такую удачу, я ступил на металлический овал лифта – и почти мгновенно очутился в пыльном помещении, пахнущем ржавчиной и плесенью. Трескучие лампочки на стенах работали через две, овальная комната с потолком-куполом была освещена скудно.

Едва я сошел с лифта, как он со скрежетом поднялся и закрыл отверстие в потолке.

– Ну вот – спаслись! – ухмыльнулся Никита. – Интересно, отсюда можно попасть домой?

Эта комната была раза в два меньше телепорта, где мы добыли Зерно; с единственной металлической дверью, на которой висела табличка с черным прямоугольником. Прямо под ним чернела панель в форме человеческой руки.

Камень с плеч свалился: и город, и телепорты построили люди! Значит, мы в состоянии сообразить, как что работает.

Пригоршня приложил руку к панели – дверь со свистом поехала вверх, нас обдало пылью. Взгляду открылся не коридор, а стальное квадратное помещение два на два метра, заканчивающееся второй дверью.

– Это что, выход обратно наружу? – осторожно поинтересовался Пригоршня. – Так нам туда не надо, там упыри.

– Нет, скорее уж в другое место. Это ведь телепорт, напарник. Или в отделение наподобие того, где мы нашли Зерно... Все равно ходов больше нет, а наверх нам уже никак не подняться: мы не знаем, как запускать лифт.

– В какое другое место? – уточнил напарник. Он так сверлил дверь взглядом, будто пытался прожечь в ней глазок и узнать, не подстерегает ли нас опасность.

– Никита, я вижу то же, что и ты.

– Так что делать будем? Здесь переночуем или посмотрим, что там? Вдруг домой попадем?

Пока мы колебались, снова заскрежетал лифт, и в овальную комнату ворвались два упыря. Никита открыл огонь, а я метнулся к таинственной двери, которая находилась точно напротив той, что напарник открыл прикосновением ладони, и надавил на красную кнопку на панели. Перехватив винтовку, прицелился в мечущихся по помещению тварей. Они никак не могли сообразить, где находятся, – то мимикрировали под туман и носились бледными призраками, то обращались поросшими травой буграми, и выглядело это очень сюрреалистично. Автоматный огонь отгонял их, но и попасть Пригоршня не мог.

Вдруг телепорт вздрогнул, лампы загорелись красным. Возникли вибрация и звон – даже упыри замерли, повернули к нам головы. А потом почему-то попятнулись. У Никиты же, как назло, опустел магазин.

Первая дверь, та, что соединяла квадратное помещение с овальным, дернулась – и ее заклинило, опустив едва на треть. Силуэты упырей размазались, все вокруг завибрировало. Мне показалось, что пространство за дверью состоит из миллионов пикселей. Я уперся рукой в стену, чтоб не упасть.

– Твою дивизию, что ты сделал?! – заорал Пригоршня. – Отсиделись бы тут, упырей по одному перебили бы, а теперь!..

Вибрация нарастала, а нематериальное мутное стекло, разделившее комнаты, начало изгибаться в нашу сторону. Пригоршня отступил и прижался ко второй двери, я последовал его примеру, прицелившись в дрожащий пузырь, который заполнил уже половину помещения. Неужели телепорт неисправен? Нас же тут на атомы разметать может!

В этот момент дверь за спиной отъехала – и мы с Пригоршной, вывалившись из телепорта, рухнули на рюкзаки. Над нами возвышались исполинские черные небоскребы.

Заверещал дозиметр, но было не до него, и несколько долгих секунд я лежал на спине, придавленный величием Черного города, к которому мы шли. Он пострадал то ли от бомбардировки, то ли от ударной волны ядерного взрыва: купол потрескался, небоскребы покосились. Не было сомнений, что жители давным-давно покинули дома. Вспомнился старинный американский роман о людях, много лет проводших в бомбоубежищах... Может, и здесь так – местные прячутся под землей?

Нет, вряд ли: не видно совсем никаких признаков жизни. На самом-то деле, я даже обрадовался, что город необитаем: слишком уж нечеловеческие конструкции оказались перед нами. Они напоминали скорее не дома, а сообщающиеся между собой термитники. Построены они были из черного материала, издали похожего на эбонит.

Судя по всему, ударная волна катилась в направлении, откуда мы шли, поэтому не сразу стало заметно, что небоскребы накренились в нашу сторону. Некоторые упали, но даже после этого не рассыпались, а остались валяться черными столбами с отверстиями треснувших окон.

Позади, присыпанный землей, гудел телепорт, и грязь сползала с него пластами, как кожа – с линяющей змеи. Пригоршня попятился, целясь в постройку, и спросил:

– Чего он не затихает? Не нравится мне это.

Я тоже попятился, и вовремя: дверь распахнулась, и из телепорта выскочили два упыря. Заметались, но остолбенели, увидев нас, и попытались замаскироваться, приняв коричневатую-черную расцветку.

– Они что, разумны? – спросил я, прицеливаясь и выжимая спусковой крючок – моя жертва метнулась в сторону, но пуля настигла ее. – Иначе как открыли дверь?

Упирь распластался на земле, приняв обычный облик. Слишком яркая для этого мира кровь текла из простреленной груди и впитывалась в землю. Грохнул выстрел Пригоршни, но я не смотрел, что стало со вторым упырем – мое внимание привлекла заклинившая дверь телепорта, откуда выпирал

пространственный пузырь.

Откуда-то я знал: если не закрыть дверь, случится катастрофа. Есть вероятность, что продырявленная реальность замкнется на себя... чтобы это ни значило! Выдернув чеку, я швырнул в телепорт одну из двух оставшихся гранат и, падая, крикнул:

- Ложись!

Грохнуло. Донесся свист, переходящий в ультразвук. Полыхнуло синим, будто в десяти метрах сработала вспышка исполинского фотоаппарата. Меня, ослепленного, протащило по земле. Казалось, мир растворился в вынимающем душу свисте.

А потом наступила звенящая тишина. Зрение понемногу восстановилось; с телепорта облетела грязь – он действительно напоминал юрту. Дверь взрывом чуть выгнуло в нашу сторону, аппарат затих, превратился в грудку бесполезного металла, упыри оттуда больше не лезли.

Подстреленный мной упырь валялся в паре метрах справа. Пока его тащило ударной волной, он прорыл борозду в земле и сейчас лежал на спине, хрипел, щупальца вокруг рта чуть подрагивали, ребра вздымались и опадали, на груди кровь смешивалась с грязью.

Слева кряхтел, вставая, Пригоршня – грязный, как свинья. Дробовик он так и не выпустил из рук. Приклад моей винтовки торчал из грязи. Черт, только бы цела осталась! У Никиты еще одна есть, но все равно жалко. Попытался встать, но рюкзак, который тащило впереди меня, так натер плечи, что я невольно зашипел.

- Ты как, цел? – поинтересовался Пригоршня.

- Вроде, да. Цел, но местами покоцан.

Сняв рюкзак, я выкопал винтовку из заноса: деформаций, вроде, нет. Черт, ее даже не почистить толком и не смазать!

Оценив масштаб потерь и убедившись, что никто не нападает, мы, наконец, осмотрелись.

Удивительное дело, но под ногами сырая земля, а не асфальт. Небоскребы же, теперь стало видно, сообщались при помощи прозрачных тоннелей. Жители этого города попросту не спускались вниз – пользовались тоннелями и, видимо, летательными аппаратами.

Налетел ветер, и город взвыл, застонал, заохал, как стонал бы пустой сосуд. Заскрипели провода, цепляясь за стены. Мы не решались сдвинуться с места – две песчинки возле мертвого черного колосса. Катастрофа случилась так давно, что даже радиационный фон частично нормализовался, фонило только местами – там, где выпали радиоактивные осадки. Какими были обитатели города? С кем они воевали: друг с другом или с другой расой? Возможно, мы никогда этого не узнаем, потому что скелеты их давно истлели и рассыпались прахом.

Ежась от пронзительного ветра, я зашагал к гигантским черным коробкам у основания небоскреба, остановился возле одной. Провел рукой по черному материалу, из которого она была сделана – да, напоминает эбонит, на ощупь приятный, чуть шершавый. Для интереса выхватил нож и полоснул по стене – даже следа не осталось.

Обогнув коробку (она была размером с трехэтажный дом), я заметил, что со стороны, откуда катилась волна, стены чуть оплыли. На земле, будто расплавленная смола, чернело пятно с торчащей из середины крышей.

– Б-блин, – Пригоршня потер плечи. – Тут нет деревьев. Из чего костер разведем?

– Ты лучше спроси, как мы внутрь попадем, входа-то не видно, ни одного. Наверное, они были наверху.

Новый порыв ветра швырнул в лицо колючую снежную крупу, крупная градина ударила по носу. Только этого не хватало! Я зашагал к рухнувшему небоскребу, бок которого виднелся за коробками, похожими на огромные аккумуляторные батареи, протиснулся меж черных кубов и замер, пораженный величиим павшего исполина. Небоскреб был овальным с выпуклыми стеклами, которые рассыпались осколками. Бок, на котором лежало здание, естественно, деформировался. Рухнувшее сооружение вершиной прислонилось к устоявшемуся

зданию и напоминало смертельно раненного бойца, что из последних сил пытается встать, цепляясь за друга.

В нескольких метрах от меня вправо и вверх торчала исполинская труба сломанного тоннеля, что связывал строения.

Камень, брошенный Пригоршней, отскочил от выпуклой стены, и Никита с дробовиком наготове потрусил к туше поверженного небоскреба. Нас интересовали выбитые стекла, через которые мы могли бы попасть внутрь и укрыться от ветра и града, который все усиливался и больно бил по лицу.

Наклонившись, я пролез в провал окна, ощущая себя муравьем, вернувшись в муравейник, и отметил, что стены у небоскреба не толще кирпича и внутри выкрашены белым или просто обесцвечены. Надо же, какая прочность! Не верится, что столь могущественная цивилизация погибла.

Счетчик Гейгера заткнулся, едва я очутился в квадратной комнате. Здание лежало на боку, и стена стала полом, вспучилась погребенными под ней обломками, а пол сделался стеной, серой, бетонной. Выход находился над головой – овал в рост Пригоршни.

– Подсади-ка меня, – попросил я, и Пригоршня встал на колени.

Сняв рюкзак, я залез на плечи напарнику, ухватился за края отверстия, подтянулся и вытолкнул себя в помещение. Включил фонарик, огляделся: метров пятьдесят в квадрате, пол серый, стены голубоватые, в одну из них вмонтирован треснувший экран наподобие того, что мы видели в телепорте, где добыли Зерно. Рядом – какие-то рычаги, кнопки, поршни. Подергал один – безрезультатно. Задрал голову и выругался: проникнуть глубоко в небоскреб не получится: надо мной была невредимая стальная дверь, закрытая, естественно.

Луч выхватил из темноты стальные штыри, торчащие из стены.

– Химик, – крикнул Никита, – у тебя все в порядке?

Вытащив веревку, я привязал один ее конец к штырю. Дернул, проверяя на прочность, а другой конец бросил Пригоршне.

Сначала подняли два наших рюкзака, затем вскарабкался Пригоршня, стучащий зубами от холода. Мне самому было, мягко говоря, нежарко.

Никита распотрошил рюкзак, закутался в спальник и нахохлился. Я сделал так же. Когда согрелся, начало клонить в сон, заболела голова, затошнило с новой силой. Это называется – расслабился. А еще лезли скверные мысли. Что, если мы – единственные разумные существа в этом мире? Мы с Пригоршней – Робинзон и Пятница. Будем скитаться по бескрайним просторам, ночевать в покинутых городах, пока не состаримся или не сойдем с ума. Скоро закончится вода, потом – консервы и крупы. Что есть и пить?

– И костра не разведешь, – пожаловался Пригоршня. – Блин, жрать охота.

В животе заурчало, и я сказал:

– Продукты, как и воду, надо экономить. И вообще, неплохо бы провести ревизию.

Никита зашуршал в рюкзаке и с довольным видом извлек пол-литровую бутылку «Столичной», ножом срезал крышку и присосался к горлышку, рукавом вытер рот и крякнул.

– Да, радиацию из организма не помешало бы вывести.

Он протянул мне бутылку, и водка приятно обожгла горло, огнем заструилась по жилам. Сразу же пришла расслабленность, мысли поползли мягкие и неторопливые, отчаянье отступило. А ведь таблетки и водка скоро кончатся. И тогда нас ждет медленная и мучительная смерть от лучевой болезни. Спасет только такой же портал, как был в Зоне, способный переместить нас обратно. Он должен быть, и мы обязательно его найдем. И начнем завтра утром, весь город перероем, в каждую дырку заглянем.

Никита шумно зевнул, потянулся и сказал:

– Ты предлагал посмотреть, что у нас с припасами. По идее, еды – на три-четыре дня.

– Одно радует: рюкзаки станут легче, – вздохнул я. – А потом будем на мутантов охотиться. Как ты относишься к жареной упырятинке?

– Да ну тебя! Ее даже пожарить не на чем, – Пригоршня сделал два больших глотка водки, потянулся к рюкзаку и выгрузил его возле стены, точнее, возле перевернутого потолка. Консервы и пакеты с крупами придвинул к себе, а вещи и боеприпасы пока не тронул.

Я вынул из своего рюкзака две банки тушенки, паштет, рыбные консервы, упаковку гречки, чай, полбатона и задубевший от холода кусок сыра. У прожорливого Пригоршни продуктов было в два раза больше, он смотрел на них с тоской и ронял слюну. Не выдержал, отрезал кусок хлеба и принялся, закусив губу, открывать паштет.

– Один кусок – и все, – сказал я, укладывая продукты обратно, с глаз долой и закутался в плед плотнее.

И вдруг что-то взвыло, застонало, затопало так, что задребезжали стены. Пригоршня отложил бутерброд и с набитым ртом потянулся к дробовику. Я сам схватился за винтовку, лежащую на коленях. Наверху вздохнули. Неведомое существо замерло, прислушиваясь и принюхиваясь, а потом по железной двери прошлепали босые ноги, словно прошел ребенок лет пяти.

Стон-плач повторился. Стены снова задребезжали, и существо побежало, заверещав. Издалека ему ответили таким же криком. Появился свистящий шелест, и у нас над головой что-то пронеслось – то ли машина проехала, то ли проползла гигантская змея. Мелкое существо орало, не смолкая, но вскоре хищник его настиг, и крик оборвался.

Хорошо, что мы не попали внутрь, иначе рисковали стать частью пищевой цепочки. Сделалось неуютно. В Зоне мы с Пригоршней всякого насмотрелись и не боялись врага видимого, каким бы безобразным он ни был. Но когда сидишь в темноте с фонариком, да посреди чужого мертвого города, то невольно просыпается дремучее, глубинное чувство, перед мысленным взором возникают существа без лиц, и даже фантазия, поджав хвост, пятится, не желая придавать им зримый облик. Я посмотрел вниз, в овал двери: снаружи окончательно стемнело, там было черным-черно. В обломках копошилась какая-то мелочь,

попискивала. Наверху неведомые зверушки стихли.

Что живет в утробе мертвого здания? Разумные существа, которые за сотни лет выродились? Подслеповатые, с глазами, сочащимися гноем.

Что гналось за ним? Змея? Машина? В последнее верилось с трудом. Скорее всего, в покинутых небоскребах сформировался биоценоз наподобие тех, что водятся в пещерах.

Одно непонятно: что они пьют, ведь наружу попасть весьма проблематично. Кровь?..

Пригоршня, набросив спальник, как старинный плащ, шагнул к своему рюкзаку, приладил налобный фонарик и повторил:

– Надо проверить, что у нас осталось.

Мысленно я с ним согласился. Многие артефакты придется оставить: неизвестно, получится ли попасть домой и продать их, а тяжелый рюкзак будет здорово нас тормозить. Кое-что, бесспорно, пригодится... Вспомнился артефакт «пламя», который мы не взяли из-за того, что он дешевый и, казалось бы, бесполезный. Сейчас он пригодился бы как ничто другое: его месяц можно использовать вместо батареи или костра.

Эх, знать бы заранее!

Я выгрузил контейнеры, достал маркер. Пригоршня вздохнул:

– И зачем мы поперлись за тем Зерном! Столько сил потратили, столько денег в трубу вылетело. И ведь половину хабара бросить придется... тут живыми бы выбраться.

Не слушая его ворчание, я открыл первый контейнер: три «золотых монеты», они же – облегчалки. Вроде, всего их было пять. В следующем контейнере обнаружили «ежи» – своего рода первитин; применил – и носишься, как электровеник. Особенно полезно от погони уходить. Правда, потом, где-то через день, выключает, и дрыхнешь сутки. Плюс ломота в суставах да мышцы ноют

так, что спасу нет. Полезная вещь, но не особо. Я поменял местами «ежа» с «золотой монетой», контейнер с двумя облегчалками промаркировал и придвинул к себе.

Лечебных «светлячков» решил брать три штуки – пригодятся, когда аптечка опустеет. Плюс одно «око», тоже целебный артефакт. В тот же контейнер положил два «свертка» на случай, если мы облучимся. Итого три контейнера. Еще один возьму и хватит. Вот только что туда положить? Как предвидеть, что пригодится, а что нет?

Вот, к примеру, светящаяся голубоватым «луна» – защищает от пси-воздействия. Какова вероятность, что нам встретятся телепаты? Ладно, пусть будет – мало ли.

Остальное лучше оставить здесь, а вход как-то пометить на случай, если вернемся. Аномалий тут мало, и артефакты могут цениться дороже золота. Но это – завтра. Я перевел взгляд на Пригоршню: его лицо, подсвеченное налобным фонариком, казалось потусторонним. Напарник чах над золотом и мучился проблемой выбора.

Итог – четыре контейнера и наш хабар, эквивалентный большой куче валюты, остается гнить в чужом мертвом городе. Обидно, досадно, но ладно: первоочередная задача – выжить. Сначала найти воду, потом – людей или разумных существ, которые этот мир населяют. Все это время следует помнить, что рядом могут быть телепорты. Если заполучить еще одно Зерно, можно переместиться обратно в Зону, но с равной вероятностью нас перебросит в новый мир или в другую часть этого. Как ни крути, нужны разумные существа, которые знают, как обращаться с телепортами.

Над головой снова прошлепали босые ноги, отвлекая от бытовых мелочей, неведомое существо разразилось трелью – что-то среднее между кошачьим мурлыканьем и клекотом хищной птицы. Видимо, тварь нас учуяла и заинтересовалась. Поскреблась в двери, Пригоршня вскинул голову, и луч фонаря отразился от зеркального металла, мазнул по стене.

– Что там за дрянь? – прошептал напарник и взял дробовик, стараясь не лязгать и не греметь.

- Чего-то она от нас хочет... Уж не познакомиться ли гастрономически? Кстати, что с боеприпасом?

- Патроны еще не считал, - ответил он все так же шепотом. - Мы в натовцев много стреляли.

- Да уж, - мрачно согласился я и вытащил из рюкзака коробки с патронами.

Две полных - к дробовику, три к винтовкам и еще одна неполная. Пара гранат, пара патронов к гранатомету. При самом лучшем раскладе этого хватит на неделю.

- Негусто, - вздохнул Пригоршня, и в его животе заурчало - съеденного куска хлеба с паштетом было недостаточно.

- Слушай, - вспомнил я, - ты случайно «пламя» не брал? Очень пригодилось бы для обогрева.

- Не-а, это ж дешевка бесполезная, еще и радиоактивная. А жаль. Ночевать как будем? - он кивнул на отверстие внизу. - Сюда может что-то приползти.

- Придется дежурить, - согласился я.

- Кто первый? Мне спать не хочется, - признался Пригоршня.

- Значит, разбудишь.

Дремал я урывками из-за тошноты и холода. Только успел погрузиться в сон - и тут Пригоршня растолкал меня, закутался в спальники и захрапел.

Фонарик я выключил, чтобы экономить заряд, и воцарилась такая темень, что казалось, будто висишь посреди пустоты. Веки слипались, но я боролся со сном. Наверху шлепали и шуршали, некоторое время это помогало держаться в тонусе. Пригоршня храпел волнами, усыпляюще. Я прислонился к стене, положил винтовку на колени и не заметил, как оказался в царстве Морфея.

Глава 2

Снилась мне Энджи – я лежал на лугу и глядел в синее небо, а она... Она сидела рядом, запрокинув голову, потом склонилась надо мной и принялась царапать шею, пытаюсь расстегнуть воротник куртки. Остренькие ноготки щекотали, я смеялся и уворачивался...

Пока не проснулся, с ужасом осознав, что на мне сидит нечто крупное, дышит в лицо и пытается добраться до горла. На секунду замерев, я столкнул с себя тварь и придал ей ускорение ногой.

Включил налобный фонарь – луч осветил оскаленную морду с иглами клыков. Тварь заверещала и сиганула в дверной проем, который был в полу.

Пригоршня! Черт, он же всегда спит, как убитый! А если тварь его загрызла, пока я дрых? Метнулся к нему, принялся тормошить, но он не шевелился. Черт! Я потянулся к его сонной артерии, чтоб пощупать пульс, но он схватил меня за руку, уложил на лопатки и прохрипел:

– Обалдел?

– Ты затих, я уж подумал – умер. У нас гости.

Пригоршня включил свой фонарь, свесился вниз и высветил ночного гостя. Тварь скалилась, шипела и отползала от луча. Она напоминала гоблина со склеившимися веками – складчато-зеленая, с вывернутыми в обратную сторону коленями, длинными тощими руками, скошенным черепом, огромными ушами, какие бывают у ночных жителей.

Резцы и коренные зубы у твари отсутствовали, напоминающий присоску язык намекал, что существо питается жидкостью. Вампир?

Выругавшись, я выстрелил в разинутую пасть – создание шмякнулось о пол и застрекотало, повизгивая. Вдалеке отозвались его сородичи.

Издав протяжный возглас, существо испустило дух и мелко затряслось в агонии. Крик подхватили твари снаружи – скорбно взвыли, оплакивая собрата.

– У меня подозрение, что оно – кровосос. Вампир то есть.

– Ну все, не дала выспаться, зар-раза, – проворчал Пригоршня.

Говорить ему о том, что по моей оплошности мы были в шаге от гибели, я не стал.

– Так досыпай, кто тебе мешает?

– Светает, – задумчиво проговорил он.

Действительно: в нижнее помещение просачивалась предрассветная серость.

– План действий какой? – поинтересовался Пригоршня.

– Осматриваем город на предмет наличия телепорта, они тут должны быть в изобилии. Потом идем искать разумных существ, чтобы они запустили телепорт и отправили нас домой. Надеюсь, что это будут люди.

– А если нет?

– Значит, попытаемся наладить контакт.

Пока завтракали бутербродами, рассвело окончательно.

Мы сложили в угол контейнеры с артефактами. Пригоршня пригорюнился и смотрел на них, как на почивших боевых товарищей, даже шляпу снял.

– Не дай жабе побороть себя, – проговорил я и спустился по веревке.

Никита не заставил себя долго ждать. Никто не собирался на нас нападать. Застреленный ночью вампир был мертвее мертвого. Хорошо,дох он, как обычное животное – чеснока, осиновых кольев и серебряных пуль у нас, понятное дело,

не было.

Надев рюкзаки, мы пригнулись и вылезли через выдавленное окно. Черные дома-гиганты наступали со всех сторон, подавляя своим мрачным величием. Мы стояли ничтожные и потерянные – микробы на теле мертвого великана. За стеклами, в которых была лишь клубящаяся серость, мне чудились тысячи вампиров. Иллюзия, конечно, ведь днем они спят. Но то, что пожирало их ночью, может и бодрствовать.

Ветер на разные лады гудел в опустевших помещениях, гонял пыль – город будто стонал и жаловался на бесконечное одиночество, на несправедливость судьбы.

– Где искать будем?

– Внутри этого конгломерата точно не полезем, там вампиры. Возможно, телепорты соединяют это место с разными точками материка, но вот где они стоят... Ладно, давай попробуем пройти через городскую окраину.

На земле стояли массивные кубы-основания, из которых и росли небоскребы. Мы протиснулись между двумя кубами – проулок был совсем узким, скутер впритык проедет, но два человека не разминутся – и оказались на черной площадке между такими же коробками, только повыше. Входа внутрь и тут не наблюдалось.

Ощущение было, как у муравья, заблудившегося в микросхеме. Пригоршня мои мысли словно с языка снял:

– Химик, это построили не люди. Тупо все.

– Ага, не по-человечески, – согласился я. – Не то чтобы тупо, но... Чуждо.

Мы шагали между коробками, я задрал голову: над нами был прозрачный тоннель, соединяющий небоскребы.

– Скорее всего, обитатели города летали на флаерах, которые садились на крыши небоскребов и опускались внутрь. Помнишь, телепорт тоже с крыши открывался?

Часы умерли вместе с ПДА и компасом, а без часов трудно было сказать с уверенностью, сколько времени мы потратили на дорогу через городские кварталы. Пришлось обходить поваленный небоскреб, потом пробираться между другими... ни одного телепорта мы так и не увидели. Но за городом, где взгляду открылась уже привычная равнина и сопки вдалеке, обнаружился круглый холмик, смахивающий на то, что мы искали. Именно с этой стороны, судя по всему, и катилась ударная волна взрыва.

– А если он ведет туда, ну, в эпицентр? – предположил Пригоршня, шагая к телепорту.

– Не обязательно, это же не дорога и не метро. Конечный пункт может быть где угодно.

– А все-таки?

– Ну если так, значит, конечный пункт уничтожен, и мы не попадем никуда. И заодно выясним, что расположение телепортов имеет значение: если он, скажем, на севере, значит, и ведет дальше на север. Хотя и сомневаюсь я в этом, но все возможно.

Издали устройство напоминало земляной холм. Подойдя ближе, мы заметили, что сторона, обращенная к эпицентру взрыва, вогнута и оплавлена. Ступеньки уцелели. Не веря в успех, я взобрался на скошенную верхушку, ступил в середину – туда, где лифт, но механизм не сработал.

Мое место занял более тяжелый Пригоршня, попрыгал – без толку.

– Сломался, – вздохнул он. – Ищем другие? Тогда надо вернуться... Или нет, скорее обойти.

Я согласно кивнул.

Пришлось огибать Черный город по широкой дуге. Пока шли, я отметил, что самочувствие наладилось: уже не тошнило, хотя в ушах еще немного звенело.

Вот и наш телепорт, поврежденный взрывом. На трупах пристреленных упырей пировали черные тонконогие твари размером с кошку. Увидев нас, они запищали и прыгнули в стороны.

– Химик, глянь-ка, – радостно проговорил Пригоршня и указал левее: над небоскребом, скрывающим обзор, к небу тянулась полоска дыма. – Огонь! Значит, там люди.

– Не факт. Дым далеко. Вдруг это вулканы? Но в любом случае интересно.

Мы еще немного прошли, и небоскреб больше не закрывал долину с еле заметными сизоватыми сопками. Струйка дыма то исчезала, уносимая ветром, то возникала снова. В сердце поселилась надежда, что там работает огромный завод. Дым, валящийся из трубы теплосети, не был бы замечен с такого расстояния. Еще это может быть пожар, но гореть тут особо нечему.

Значит, или доменная печь, или вулкан.

– Здорово, если будет телепорт, и не придется снова плестись по пустоши. Еще и ветер в лицо, – проворчал Пригоршня, протирая слезящиеся глаза.

Город стонал и завывал, словно призраки прошлого умоляли нас остаться, мы же с уверенностью шагали к холму впереди.

– Мне кажется, что это телепорты местного значения, – вслух размышлял я. – Домой через них не попасть, но сократить время путешествия нам вполне по силам.

– А вдруг попасть можно, но мы не знаем как?

– Вряд ли, – ответил я, расчищая лестницу. – В том, нашем самом первом, было Зерно и множество дверей, они и есть ходы в другие миры. Ну, так логично. Зерно – очень важный прибор, без него ничего не получится.

- Не все логичное правильно, - выдал Пригоршня.

С десятков секунд мы топтались вокруг центра верхушки телепорта, не решаясь туда ступить. Слишком много надежд, построенных, по сути, на пустом месте, могут обрушиться, столкнувшись с правдой. Я сделал шаг - лифт сработал, опустив меня в небольшое овальное помещение. Зажглись лампочки: здесь тоже была всего одна дверь. На всякий случай я обошел черные мониторы на стенах, подергал рычаги - вдруг Зерно где-то спрятано, можно его уничтожить и вернуться. Но нет, единственная дверь поползла вверх, открыв взору стальную квадратную комнату два на два метра.

Пригоршня спустился следом, но с лифта не сошел, топтался на месте.

- Что дальше?

- Держи лифт, - распорядился я. - Схожу, посмотрю, куда ведет портал.

- Ты осторожней. Если пропадешь, я ж свихнусь, это, от одиночества.

- Ну, а что ты предлагаешь? В общем, пожелай мне удачи.

Не дожидаясь благословения Пригоршни, я шагнул в помещение. Там подождал, когда дверь за спиной закроется, потянулся к красной кнопке и на пару мгновений задержал руку. А вдруг что-то опять пойдет не так, и нас с Пригоршной отрезет друг от друга? Если подышать, то уж вместе.

Отворив дверь, разделяющую меня и Никиту, я поманил его:

- Ты прав. Нам надо держаться друг друга.

Пригоршня радостно сошел со стального овала, и площадка поехала вверх.

Как и в прошлый раз, зажглись красноватые лампы, пространство завибрировало, Пригоршня сжал мое плечо. Взгляд напарника был устремлен сквозь стены, губы шевелились - он молился, чтобы все у нас получилось.

Когда вибрация утихла и красноватый свет сменился белым, дверь, ведущая в неизвестность, вздрогнула, немного приподнялась и загнулась, а в образовавшуюся щель посыпалась земля. Пригоршня резюмировал:

- О, блин, телепорт в землю врос.

Затрещали лампочки, погасли и вспыхнули вновь, но теперь они давали трепещущий свет. Дверь скрипнула, еще чуть-чуть приподнялась, заискрилась панель с красной кнопкой.

- Давай подтолкнем, а то как заклинит - останемся здесь на веки вечные.

Пригоршня сбросил рюкзак, метнулся к двери, присел, расставив пошире колени, ухватился за край и захрипел, пытаясь ее поднять. Панель заискрилась сильнее. Пригоршня так напрягся, что казалось, и сам вот-вот заискрит. Пока поединок Пригоршня - дверь был не в нашу пользу.

Черт, рычаг бы какой-нибудь, хотя бы прут арматуры! Но под рукой ничего не было.

Никита взревел - дверь скользнула вверх, и в помещение хлынула влажная земля. Пригоршня стоял по колено в грязи и улыбался.

- Рано радуешься, - осадил его я. - Откапываться надо, обратного хода нет, мы тут попросту задохнемся.

С довольным видом Никита извлек из рюкзака складную саперную лопатку и принялся орудовать ею, освобождая дорогу. Земли все прибывало, а просвета видно не было. Вот ее уже по бедра, торчат из лаза ноги Пригоршни, а сколько еще копать - непонятно.

Произошел очередной обвал, и Пригоршня крикнул:

- Есть контакт! Ползи сюда! Тут такое... такооооо! Ух!

Выдохнув с облегчением, я протолкнул в лаз рюкзаки, затем выполз сам. В глаза насыпалась земля, и, пока промывал их драгоценной водой из фляги, не

осматривался. Наконец, я проморгался, огляделся и – даже дыхание перехватило!

Таких громадных деревьев я не видел ни разу: ну, не довелось мне пока что лицезреть секвойи. Стволы возносились в небо метров на сто – но не прямые, а узловатые, по-всякому изогнутые. Толстые ветви с продолговатыми, напоминающими иглы, листьями (одна сторона светлая, другая – почти черная) переплетались, образуя сплошную крышу. Корни выпирали арками. Подлеска не было, лишь на опушке выстроился ряд молодых деревьев размером с обычные тополя.

Под порывами ветра лес протяжно стонал и шевелился, как живой. Тянуло дымом – значит, источник возгорания где-то рядом. Лес вполне может пылать, например, молния попала в дерево, и начался пожар.

– Мы так направление потеряем! – воскликнул вдруг Никита. – Хотя... куда нам вообще теперь переться? В сторону источника дыма? Главное – зачем?

Положение было не сказать, чтобы обнадеживающее. Очередной снежный заряд обрушился на нас. Снег летел параллельно земле, порывы ветра толкали в спину... И меня осенило: все время, что мы здесь, ветер не менялся. Наверняка он будет заметен и в лесу – самые нижние ветви начинались метрах в десяти над землей, а росли деревья далеко друг от друга.

– Будем идти так, чтобы ветер в морду, – предложил я. – Все равно надо посмотреть, что горит. Маловероятно, но вдруг там поселение? Дорогу обратно будем помечать, мы всегда успеем вернуться в Черный город через телепорт.

– Так там же дверь заклинило.

– Починим. А нет – так в телепорте заночуем.

Немного помедлив, мы вошли в лес.

То, что снаружи выглядело хаосом, изнутри напоминало фэнтезийный колонный зал. Того и гляди, выйдут ушастые эльфы и, целясь из луков, препроводят к своей королеве, прекрасной и смертоносной, живущей в дупле царь-дерева.

Здесь было сумрачно, влажно и пахло пряностями (похоже, это был запах корицы). Кажется, аромат источали деревья. Неохватные стволы вблизи были шероховатыми: цепляясь за выступы коры, можно взобраться наверх.

Сверху свисали плети мохнатых, будто поросших мхом лиан, слегка шевелящихся под порывами ветра. Белая высокая трава стелилась, напоминая пряди ковыля.

Кроме скрипа и стога, лес не издавал звуков: то ли он был мертв, лишен обитателей, то ли здешние птицы на редкость молчаливы. То ли прав Никита, и мы просто попали в зиму.

- Ты представляешь, - шепотом спросил Никита, - какие тут грибы?

Дробовик висел у него через плечо, в руках Пригоршня держал винтовку. Я тоже вооружился: судя по размерам птицедрাকонов и этих деревьев, здешний животный и растительный мир страдал гигантизмом.

- Химик, - Пригоршня схватил меня за руку и кивнул влево. - Глянь-ка - там, по моему, труп.

Я перевел взгляд на то место, куда он указывал: и правда, из-за огромного ствола торчали ноги. Точнее, берцовые кости с лоскутами кожи.

- Человек! - Пригоршня расплылся в улыбке.

Никогда бы не подумал, что человеческий труп может так обрадовать. Вот только когда мы подошли поближе, радость напарника улетучилась. Издали тело можно было принять за человеческое, но оно было шире в плечах, руки - длиннее, ноги - короче, а череп будто сплюснули с боков.

- Больше напоминает примата, - резюмировал я. - Обезьяну, то есть.

Пригоршня перевернул труп на спину: беднягу, наверное, сожрали: на сломанных ребрах отпечатались следы зубов, да и кости были белые - не похоже на то, что внутренности сгнили.

Однако наличие человекообразных существ меня обрадовало: с ними легче договориться, чем, скажем, с разумными муравьями или другими гадами. Конечно, не факт, что это существо разумно, но хотя бы забрезжила надежда.

Неподалеку обнаружилась метровая дубинка, сделанная из того же материала, что и небоскребы Черного города. Я поднял ее, перекинул из руки в руку – не больше килограмма. Пригодится, когда патроны закончатся.

Как мы без патронов? Надежда выбраться отсюда таяла с каждой минутой. Придется брать у Пригоршни уроки ножевого боя.

Землю устилал ковер из опавших листьев, размером они были с лист формата А4, жесткие, но хрупкие. Когда наступаешь на них, рассыпаются с хрустом. Идти бесшумно было сложно, скорее даже невозможно. Спасало то, что лес шуршал, далеко в вышине скрипели, покачиваясь, ветви.

Мы ощущали себя насекомыми, нет, скорее – коротышками из «Незнайки». Дозиметр показывал нормальный радиационный фон, и это радовало: проблема с водой, считай, решена, осталось найти источник. Древесины тут с избытком – будет, на чем вскипятить. Только бы раздобыть еду.

Пригоршня замер, приложил палец к губам, я прислушался и различил вдалеке женский крик. Оборвавшись, он больше не повторялся.

– Люди? – предположил я, ускоряя шаг. – У них что-то случилось. Идем быстрее, вдруг помощь нужна.

Вдалеке что-то загрохотало. Мы с Пригоршной переглянулись, я схватил винтовку, Никита – дробовик. Грохот все нарастал, будто в нашу сторону перло стадо бегемотов или катил БТР. Невольно мы отступили к гигантскому дереву, вскарабкались по коре, как по ступенькам.

Огромный ствол скрывал то, что бежало в нашу сторону. К грохоту добавился лязг, стрекотание и хруст опавших листьев.

– Вряд ли кабан, – разочарованно вздохнул Пригоршня.

Мгновение, и из-за ствола вырулил...

Увиденная картина заставила меня разинуть рот. Внизу цепочкой бежали бронированные насекомые размером с весельную лодку: приземистые, каплеобразные, плоские, с острыми выступами по бокам, напоминающими ножи. Вспомнилась картинка из школьного учебника – гигантские трилобиты, вымершие миллионы лет назад. На тварях сидели люди в шубах и меховых шапках. Наездников было семеро. Точнее, я издали принял их за людей, а когда они приблизились, и один из них приподнял голову, чтобы оглядеться, я узнал опаснейшего мутанта Зоны – манипулятора: морда хищная, перекошенная, нижняя челюсть чуть выдается, глазки буравчиками. За его трилобитом тянулась веревка, конца ее видно не было.

Почувствовав, что за ним следят, манипулятор мысленной командой остановил трилобита, поводя копьём из стороны в сторону. Смотреть наверх не стал и двинул бронированную коняшку вперед – сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Веревка натянулась, и на поляну под деревом вытащило голого человека. Бедняга был мертв, лицо превратилось в месиво, кожа ободралась и висела клочьями. Он не был привязан – веревку продели сквозь живот и в области грудины завязали узлом. Видимо, так тащили его уже давно, и он не пятнал листья кровью.

Что самое ужасное – я второй раз безумно обрадовался трупу. Не потому что кровожадный – это значило, что здесь жили люди!

Пара минут – и уже не разглядеть наездника и его жертву. Подождав, пока стихнет шум, Пригоршня сказал:

– Твою ж мать! Манипуляторы – разумны? Они воют с людьми?

– Похоже на то, – согласился я. – Только манипуляторы-телепаты дикие совсем. Копье у него видел? Не верю, что раса, построившая Черный город, могла так одичать. И люди не лучше, раз их берут в плен дикари.

Вопрос, насколько телепаты дружественно себя поведут, снимался. Они, как их собратья из Зоны, – враги, опасные агрессивные твари.

– Наверное, они того, – Никита поднес палец к виску, словно собрался застрелиться. – Порабощают мысленно.

– Пригоршня, ты «луну» случайно не брал? – поинтересовался я, вспомнив, что у меня только один арт, защищающий от пси-воздействия.

– Тучи взяли, я не брал, – проворчал он.

– Я говорю об артефакте «луна».

– Да понял я, не тупой. Захватил парочку.

– Молодец, потому что у меня всего один. Может пригодиться.

Пригоршня спустил рюкзак, слез сам и сказал уже снизу:

– Будем с ними разговаривать? С людьми?

Я спустился следом за ним, надел рюкзак и поморщился – саднили растертые ключицы.

– Сначала их надо найти, – я указал в направлении, откуда приехали манипуляторы. – Нам туда.

Вперед полетела гайка, прочертила грязно-бежевую линию тряпичным хвостом. «Поистрепались хвосты, надо бы нарезать свежих лоскутов», – думал я, поднимая ее.

Мы шли по вытоптанной трилобитами борозде, а пейзаж все не менялся: вокруг высились древесные стволы. Если выскоблить такой, внутри вполне можно благоустроить двухкомнатную квартиру – и живи без проблем. Даже град сюда не долетал.

На рассыпавшихся листьях стали встречаться капли крови. Мы замирали при каждом шаге, прислушивались к лесу, но ничего подозрительного не слышали. Обогнув ствол очередного дерева, очутились на поляне размером с три футбольных поля. Она успела уже порости колючим кустарником и молодым

подлеском местных секвой. В середине поляны висело облако розоватого тумана.

- Аномалия? - предположил Пригоршня.

Я кивнул и, не выходя из-под защиты деревьев, швырнул гайку. Туман затрепетал, будто живое существо, взорвался, разбросал клочки по поляне. И словно капли ртути, они сразу заструились к центру.

- Что за ерунда? - удивился Пригоршня. - В Зоне такого нет.

Я бросил вторую гайку - эффект тот же. Интересно, если угодить в центр, что будет? Проверять этого, естественно, не стал.

Пригоршня задрал голову и сказал:

- Химик, глянь-ка - солнце!

Картина была зловещей: в текущем по небу тумане плыл бледный, как и все в этом мире, солнечный диск. Солнце то терялось за тучами, то выныривало снова. На нос упала снежинка и тут же растаяла. Завороженный, я все смотрел и смотрел на солнце. Оно будто услышало меня и из разрыва в тучах полоснуло лучом по лицу.

Сощурившись, я опустил взгляд и различил между былинкой травы сияние - словно в осколках стекла отражались и переливались всеми цветами радуги лучи света. Минуты не прошло, как солнце снова спряталось, а я осторожно двинулся к месту, где предположительно лежал артефакт. А возможно, и что-то драгоценное.

- Сдурел? - возмутился Пригоршня.

Я вскинул руку: не нервничай, мол. Победить в себе сталкера невозможно, и даже при нынешнем моем положении я радовался, что осваиваю новую территорию, делаю маленькие открытия. Пусть они потом никому, в том числе и мне, не пригодятся, но до чего же щекочет нервы ожидание... чуда, что ли. Чего-то, выходящего за грань привычной логики. Протянув дубинку, подкатил к себе

камень. Артефакт напоминал булыжник только издали, а при ближайшем рассмотрении оказался слитком металла с вкраплениями гранита и блестящих камней.

- Что там? - поинтересовался Пригоршня и встал рядом, поглядывая на клубящийся розовый туман, который будто почуял нас и протянул к нам свои полупрозрачные щупальца.

- Артефакт, - ответил я. - Странный, раньше ничего подобного не видел.

- Ну его, - махнул рукой Никита. - Глянь, оно ползет.

Бывают ли опасные артефакты? Не припомню. Аномалии - бывают. Была не была! Я обернул руку носовым платком, схватил слиток и резко отскочил в сторону.

- Идиот как есть, - пророкотал Пригоршня. - Рисковать вздумал... А все из себя умника корчит.

- Сам ты идиот, - ответил я, победно улыбаясь. - Посмотри, какая прелесть!

Пригоршня выпучил глаза.

- Откуда он узнал, что я о нем подумал? - снова прозвучал голос Пригоршни, хотя он не шевелил губами.

Пришло понимание, отчего я развеселился еще больше. Надо же, какая полезная штука! И еще странно, что местные артефакты не нужно активировать в контейнере.

- Мы не знаем, как оно действует, - сказал Пригоршня.

- Назову его «миелофоном», - я переложил артефакт в руку и потер зеленоватый прозрачный кристалл, напоминающий изумруд.

- Совсем долбанулся приятель, - снова прозвучала мысль Пригоршни, передалась и его досада, смешанная с сожалением. Еще я почувствовал, как

сильно напарник голоден, и в его голове толпятся мысли о еде.

А ну-ка, проверю арт на Пригоршне! Я протянул находку, говоря:

- Подержи и ощути странное.

Никита покосился опасливо. Размером артефакт был с мой кулак. Товарищ протянул руку, я передал ему камень и подумал первую абракадабру, которая пришла в голову:

«Ехал грека через реку, видит грека: в реке арт».

- Ты чего ерунду городишь? - испуганно спросил Пригоршня.

«Что хочу, то и думаю. Обрати внимание, что рот у меня закрыт, но ты меня слышишь», - подумал я и улыбнулся.

Пригоршня потряс головой:

- Повтори.

«Тормоз, - подумал я. - Штука у тебя в руках позволяет слышать мысли, как тот миелофон из старинного фильма про Алису». Я представил Алису, миелофон и летающие аппараты.

- Ух ты ж! Круто! - улыбнулся он.

Я старался ничего не думать, но, видимо, обрывочные мысли прорывались - напарник щурился и шевелил губами, пытаюсь их понять.

- А побочка у арта какая? Дозиметр молчит.

- Не видел артов без побочки, так что давай его лучше в контейнер положим, - проговорил я и поймал себя на мысли, что в данном случае говорить необязательно, и мысленно спросил, что ненужного у Пригоршни лежит в контейнерах.

– «Золотую монету» можно выбросить, – вздохнул он. – Эх, если бы эта штука была у нас в Зоне, мы бы отказались от гнилого дела... И Энджи не погибла бы.

– Погибли бы сталкеры, которые ей поверили, – ответил я. – Так что выбрасывай «монету» и клади туда «миелофон».

Пригоршня послушался, снял рюкзак и, озираясь, принялся там копать. Тем временем розоватый туман сконцентрировался в середине поляны, скрыв почерневшую от копоти печь – все, что осталось от стоявшего там дома.

Пока Пригоршня возился, я вернулся на протоптанную трилобитами дорожку с пятнами крови на листьях. Запах гари становился все отчетливей.

До слуха донесся стон и бормотание – мы замерли.

– Человек? – прошептал Пригоршня.

Я пожал плечами, направил винтовку туда, откуда доносился звук:

– Без понятия. Предлагаю посмотреть.

– А если телепат заманивает? Или что похуже. Вспомни, сколько всякого такого было в Зоне.

Приложив палец к губам, я пошел на звук, отмечая, до чего же громко шелестят опавшие листья. Незаметно подкрасться не получится, это однозначно, и потому я держал палец на спусковом крючке. Стон больше не повторялся, воцарилась мертвая тишина.

Успокаивала мысль, что подкрадывающийся враг тоже будет шуметь.

Обойдя гигантский ствол, я увидел на земле светловолосую женщину, свернувшуюся калачиком. Она не шевелилась, но грудная клетка под серой рубахой поднималась и опадала.

– Эй, – позвал Пригоршня. – Девушка!

Женщина не шелохнулась. Держа ее под прицелом, мы подошли, и только стоя над ней, я понял, что она без сознания: веки сомкнуты, окровавленные рукижимают рану на животе.

– Надо ей помочь, – я снял рюкзак и принялся перебирать контейнеры, чтобы найти тот, где хранился «светлячок», который мог бы вернуть девушке жизнь. Надеюсь, еще не слишком поздно, как это было с Энджи.

Пока я копался, Пригоршня водил стволом автомата из стороны в сторону. Понятно, что телепаты вряд ли возвратятся, но перестраховка не помешает.

Вдалеке зашуршали листья, и вскоре до слуха донеслись шаги. Пригоршня держал дробовик наготове, пока я занимался девушкой: секунда промедления могла стоить ей жизни.

Активированный «светлячок» отозвался на прикосновение и вспыхнул синеватым. В его недрах зажигались и гасли искры. Перевернув девушку на спину, я с трудом разжал ее сцепленные руки, распахнул меховой тулуп, задрал серую рубаху и приложил к ране «светлячка». Артефакт запульсировал, будто был живым и выкачивал из девушки боль, а вдыхал жизнь.

Она выгнулась дугой, заскрипела зубами, застонала. «Совсем молоденькая», – подумал я, хватая винтовку и целясь туда, откуда кто-то к нам бежал. Наверное, он девушку и убил. Рана колотая, нанесена острым штырем. Или копьем...

Вспомнились копья в лапах телепатов. Ну, падла, сейчас угостим тебя свинцом! Черт, если он телепат, надо «луну» достать, чтоб защититься от пси-атаки! Я спешно вытащил нужный артефакт и сунул в активатор.

И тут на поляну выскочил молодой мужчина в серой куртке наподобие ватника и меховой шапке.

– Стоять, руки вверх! – крикнул Пригоршня и навел на него дробовик. Я тоже прицелился, косясь на девушку. К счастью, было не слишком поздно, и ее бледные щеки наливались румянцем.

Мужчина остолбенел, растопырил руки, и я разглядел у него черный пистолет, похожий на бластер из американских фильмов.

- Что с ней? Кто вы такие? - проговорил незнакомец.

Он был чуть старше девушки, длинные светлые волосы выбивались из-под шапки-монголки и свисали до плеч.

- Это ты кто такой и почему преследовал раненую? - задал я встречный вопрос.

Мужчина зло хохотнул:

- Я - Май, тут живу, это - моя сестра Искра. Зачем человеку преследовать человека? Что вы с ней сделали?

Значит, Май... Маю не терпелось к сестре, он с трудом сдерживал порыв и топтался на месте, сжимал-разжимал кулаки.

- Лечим, - объяснил я, опуская винтовку так, чтобы в случае опасности открыть огонь.

Покосившись на меня, Пригоршня сделал так же и предупредил:

- Не трогай ее еще немного.

Май сел на корточки рядом с сестрой, протянул руку и убрал прядь волос с ее лица. Одежда на местных была мешковатая, ткань похожа на брезент. И вроде не самотканая, что намекало на некую цивилизованность. Это радовало, черт побери.

Девушка снова застонала, скрипнула зубами, вытянулась, напряглась и задышала учащенно. Но вскоре расслабилась и стала больше походить на спящую, чем на умирающую. Я задрал на ней рубаху: на месте рваной раны остался только розовый рубец в форме пятиконечной звезды.

Май непонимающе уставился на шрам.

«Светлячок» пульсировал все слабее и вскоре совсем потух.

– Как вы это сделали? – пробормотал абориген зачарованно. – Я должен знать, кого мне благодарить. Вы ведь из Небесного города? Но почему пришли сейчас, а не летом?

Мы с Пригоршней переглянулись. Говорить правду или нет? Факт наличия города меня очень обнадежил; я ушел от ответа, задав встречный вопрос:

– Где ваше поселение?

Лесной житель повернулся и махнул в сторону деревьев:

– Там.

– Меня зовут Химик, – представился я. – Это – Пригоршня.

– Май, – повторил парень. – Мне посчастливилось родиться на пороге лета. Это – моя сестра Искра. Спасибо вам. Не знаю, чем вас отблагодарить. Начало лета – все обязательства перед вами мы выполнили.

Лето, значит. Такое вот хреновое у нас лето. Я присмотрелся к девушке: золотистые волосы, собранные на затылке в пучок, четко очерченные красивые губы, ямочка на подбородке, как и у брата. Глаза у Мая были редкого василькового цвета – самое яркое, что я увидел в этом мире. Похоже, лесной житель не соврал, и он для нас не опасен.

– Прости, какие с нами могут быть договоренности? – осторожно поинтересовался я, понимая, что вопрос может показаться аборигену странным.

Так и есть, Май вскинул брови, потер лоб:

– Продукты. Вы же горожане, да? Мы вам – продукты, вы нам – оружие, одежду, глушители... Что с моей сестрой? Спит?

– Да. Восстанавливает силы, она потеряла много крови, и ей понадобится вода. У тебя есть вода?

Парень растерянно осмотрелся, пробежался через поляну, поднял приспособленную под рюкзак наполовину пустую котомку и вытащил черную пузатую флягу.

- Здесь отвар из трав. Он восстанавливает силы. Хотите попробовать?

Пригоршня шагнул вперед и уже протянул граблю, но я остановил его.

- Погоди. Мы не знаем, как тонизирующее средство подействует на наши организмы, не привыкшие к местным травам, - и приложил палец ко рту - молчи, мол, не сболтни лишнего, затем обратился к Маю: - Спасибо, но мы откажемся.

Май сел на колени рядом с сестрой, запахнул на ней окровавленный тулуп, чтобы не замерзла, и поднял на нас глаза:

- На вас напали нечистые? Вас осталось только двое?

Какая прелесть - «нечистые». Дьяволы окаянные. Или они так телепатов называют? Я вынул из рюкзака спальник и уселся на него - девушка проспит еще долго, и нам тоже не мешало передохнуть. А еще нужно узнать, что за Небесный город и какие такие обязательства. Эти вопросы удивили лесного жителя: нам следовало все это знать. Глупым он не был, сопоставил услышанное и выдал:

- Так вы не горожане? Я не слышал о том, что где-то еще живут люди. Там мертвая земля, выжженная Большой войной.

Решив, что дальше юлить не имеет смысла, я выдал правду:

- Не знаю, поверишь ты или нет - это твое право, но мы не из города. Мы пришли из другого мира, где не было войны, нашли аппарат ваших предков и попали сюда случайно. Теперь ищем дорогу назад. Ты нам очень поможешь, если расскажешь, что тут происходит и как добраться в Небесный город. Очень надеюсь, что у них есть телепорт, и они помогут нам вернуться.

Май округлил глаза, но вопросов у него было так много, что он с минуту просидел молча и, наконец, сказал:

– Я слышал, что предки многое умели, видел их Черный город, там сейчас жить нельзя: все отравлено и везде кровопийцы. У нас в деревне тоже есть какой-то прибор, внутрь только старейшины ходят и узнают важное, а нам нельзя. Может, он вам и нужен?

Неужели-таки телепорт? Вот это новость! Похоже, нам сопутствует удача! Настроение мгновенно поднялось, серый мир окрасился едва заметными полутонами и даже показался мне симпатичным.

– Как он выглядит? Прибор этот? – спросил Пригоршня, нарисовал полукруг в воздухе: – Вот такой, железный? Вход через верх?

Май сложил ноги по-турецки, кивнул:

– Да, примерно такой. Где вход, не знаю, нам туда нельзя.

– Чего это так? – Пригоршня отхлебнул из фляги, его живот заурчал.

– Простым воинам и земледельцам, которые ходят в лес, не положено знать, где, что и зачем. Если нас возьмут в плен нечистые и залезут в наши мысли, то потом придут и все уничтожат. Так мы защищаемся.

– Разумно, – согласился я. – Давайте поедим, пока разговариваем? А то у меня желудок к позвоночнику прилип.

– Где находится город? – продолжил допрос Пригоршня, раскрывая рюкзак.

– Далеко. Надо долго идти через лес, я в Небесном городе не был, и не знаю толком. Давайте вы лучше с нами в деревню пойдете и спросите у старейшин, они ответят.

Май сунул руку в котомку и вынул обернутый тканью белый кусок, нарезанный ломтями. Я и Пригоршня одновременно вскрыли по банке тушенки. Никита принялся поглощать мясо, невзирая на отвратительный жир, застывший белой коркой. У меня хватило воспитания предложить тушенку Маю. Он протянул мне белое мясо.

– Что это? – спросил я, не отказываясь от угощения.

– Мясо фибии. Его проще всего добыть, – он взял банку тушенки, поддел кусок и отправил в рот, зажмурился от удовольствия. – У вас много животных? Так много, что вы их едите?

Кивнув, я поднес его угощение ко рту, стараясь не думать, что это за фибия. Жрут же китайцы всякую мерзость, и наши ее жрут, и нахваливают, пока им не говорят, что это червяк или кузнечик. Фибия напоминала рака, только чуть пожестче. Эх, пива бы!

Абориген с готовностью вгрызся в хлеб, но скривился и жевал без энтузиазма, доел, только чтобы нас не обидеть. Закончив обедать, парень рассказал, что знал.

Из его пафосного рассказа я понял, что есть деревенские, а есть жители Небесного города. Май города не видел, но говорят, что он висит в воздухе, и манипуляторы, то есть нечистые, не могут туда проникнуть. Живут там хорошо и пользуются наследием предков. Каждый деревенский мечтает попасть в Небесный город, но места всем не хватает. Городские поддерживают земледельцев оружием, крестьяне обеспечивают город продуктами и мясом. Товарообмен между городом и большими поселками осуществляется летом и осенью. Весной и летом крестьяне переселяются в небольшие, плохо защищенные деревушки, а зимой уходят в крупный поселок, и там нечистые им не грозят. Сейчас нечисть напала на такую деревушку. Почти все погибли. Война была развязана манипуляторами-телепатами, второй разумной расой, населяющей этот мир.

Пригоршня сначала слушал с любопытством, потом заскучал и с интересом косился на оружие Мая, а когда тот закончил, не удержался от расспросов:

– А как работает эта штука? Можно посмотреть?

Май придвинулся к нему и объяснил:

– Вот, видишь рычаг? Нажимаешь его, и отсюда, – он прикоснулся к стволу, – вылетает заряд, делает в противнике дырку.

– Калибр какой?

Вопрос Пригоршни вогнал парня в ступор, до меня же дошло, что это – подобие гаусс-пушки.

– Это гаусс-пушка в миниатюре, – объяснил я.

– Ааа, здорово. Давайте уже пойдем, что ли? А то в сон от обжорства клонит.

– Боюсь, не сможет она идти, – я покосился на девушку. – Сутки будет спать.

– «Батарейку» надо, – резюмировал Пригоршня. – Последняя осталась, но не нести же девушку на руках!

– Я сам.

Незачем нашим диким друзьям знать, что у нас полный рюкзак артефактов, поэтому я сделал вид, что достаю еду, и незаметно вынул «батарейку». Люди остаются людьми – могут и прирезать по-тихому за материальные ценности. Пригоршня тоже это понимал. Он взял артефакт, активировал его, отвернувшись от Мая. Тот перестал жевать и таращился на нас с недоумением.

Пригоршня сел у головы Искры, лежащей возле Мая, и вложил ей в ладонь артефакт. Девушка застонала, попыталась перевернуться со спины на бок, но Никита сжал ее пальцы, чтоб арт не выпал.

Вскоре «батарейка» зарядила девушку энергией. Искра села рывком, заморгала. Глазища у нее были редкого янтарного цвета, в коричневых пятнышках.

– Где я? – она огляделась. – Не дома?

Пару секунд она бездумно смотрела перед собой – вспоминала, что случилось, потом ее перекосило, она дрожащими руками ощупала продырявленный тулуп, побледнев, задрала рубаху и ахнула, увидев розовый шрам. Засмеялась,

заплакала, истерически расхохоталась и взяла себя в руки:

– Я ведь не умерла? Сколько времени прошло? Неужели... недели – без сознания?.. Май?

Он обнял ее, погладил по волосам.

– Все хорошо, успокойся. Ты жива, я тоже. Эти люди, – он обернулся к нам, – спасли тебя. Не знаю, как их благодарить.

Девушка отстранилась:

– А остальные наши?

Май потупился, ноздри его затрепетали, лицо сделалось злым.

– Пока мы охотились... В общем, нам повезло. Все мертвы.

Девушка потупилась и свела брови у переносицы. Май протянул ей флягу с травяной настойкой:

– Выпей, ты потеряла много крови.

Напившись, она еще раз задрала рубаху и осмотрела шрам:

– Как они это сделали? Зачем? Вы ведь из города?

Пришлось представляться и еще раз рассказывать, кто мы и откуда. Искра тоже ничего не знала ни про аппарат у них в поселке, ни о Небесном городе.

Неплохую систему защиты они разработали. Враг-телепат только тогда одержит верх, когда доберется до старейшины, простые крестьяне роли не играют. А еще из ее рассказа я понял, что дети, рожденные летом, имеют привилегии.

Мы шли довольные, улыбаясь друг другу. Май радовался тому, что сестра, с которой он уже простился, вернулась с того света. Я – скорому возвращению

домой. Пригоршня – тому же и еще, видимо, еде. Вскоре мы добрались до поляны, такой же, какую мы видели прежде, но здесь полдня назад еще была деревня: трубы печей тянулись в небо, обугленные бревна изб еще тлели, и гарь сдувало в нашу сторону. Наверное, в Черном городе мы видели дым горячей деревни.

Май, сжав кулаки, – выругался. Искра замерла, подтянулась, будто охотничья собака, взявшая след, и прошипела:

– Нечисть.

Пригоршня повел дробовиком из стороны в сторону и воскликнул:

– Твою ж мать!

– Что?

Проследив за направлением его взгляда, я зажмурился и с трудом подавил рвотный рефлекс. Да, я видел всякое: простреленные головы, мозги на стенке, выпущенные кишки, но все это было частью войны со стихией и с противниками. Я и сам убивал, меня пытались убить, и, уверен, если бы враги взяли в плен, просто пустили бы пулю в лоб. Потому что они были людьми.

Здесь же...

На стволе одного из ближайших деревьев были распяты обезглавленные люди. У некоторых из вспоротых животов кишки свисали неопрятными гроздьями. Два человека лежали ничком, в руках обоих я заметил по пистолету.

Видимо, манипуляторы взяли людей под контроль, и все зверства с соотечественниками творили эти двое несчастных. Естественно, психика не выдержала, и они застрелились после того, как манипуляторы ушли.

Искра всхлипнула и закрыла лицо руками.

– Их нужно предать огню, – проговорил позеленевший Май и, стиснув зубы, направился к трупам. – Искра, организуй костер.

– А где их головы? – поинтересовался бестактный Пригоршня.

– Нечистые забрали. Когда мы разгромили их обиталище, головы были развешаны на стенах. Боевые трофеи. Хотя в разумности нечисти я сомневаюсь.

Признаться, я тоже засомневался. Насколько знаю, манипуляторы могут проникать в разум других существ, у которых есть мозг или хотя бы ганглий. При этом они, скорее всего, синхронизируются с сознанием жертвы и очень хорошо представляют, что чувствуют подвергаемые экзекуции создания. Наслаждались ли они терзаниями главных жертв – тех двоих, что выступили в роли палачей, хотели что-то изменить, но помимо воли резали сестер и братьев? В голове не укладывается. Только маньяки способны на подобную жестокость. Выходит, здешние манипуляторы – община маньяков-убийц?

Искра сняла тулуп, нагребла в него листьев и отнесла на еще теплое пожарище, где недавно стоял дом. Она держалась в стороне и старалась на нас не смотреть, лишь спустя некоторое время я сообразил, почему: девушка плакала, слезинки бежали по щекам и срывались с подбородка. Видимо, у этого народа не принято прилюдно лить слезы, потому помогать ей я не спешил и Пригоршню остановил.

Интересно, где они собираются ветки ломать, когда самая тонкая, которую я вижу, в два обхвата толщиной? И еще любопытно, как им удалось расчистить поляну от деревьев?

Ответ на первый вопрос я получил, когда Искра поддела кору гигантского дерева ножом, и она отошла пластом. Девушка потянула полотно на себя, дернула и потащила к будущему кострищу. Мы с Пригоршней подключились к процессу, и вскоре образовался холм, куда Май принялся таскать снятые с деревьев обезглавленные трупы. Их было восемь плюс двое застрелившихся. Погибших Май сбрызнул жидкостью – какой-то легко воспламеняющейся смесью, – и мы все вместе начали накрывать усопших сорванной корой, больше похожей на грубые брезентовые полотна.

У Мая обнаружилось подобие зажигалки, преклонив колени, он чиркнул ею, поджег фитили и швырнул в кострище. Огонь занялся мгновенно, раскидал

языки, загудел, выплевывая снопы искр, повалил жирный черный дым. Девушка встала на колени рядом с братом, взяла его за руку, и они, потупившись, затаили то ли песню, то ли молитву – слов было не разобрать.

Мы с Пригоршней неприкаянно стояли в стороне, наблюдая, как огонь лижет тела, снимает одежду, кожу... Я отвернулся – неприятное зрелище.

Когда костер прогорел, Искра и Май поднялись и так же, держась за руки, молча зашагали по пепелищу, переступая через головешки. Пригоршня чуть не споткнулся о сгоревшее тело, чертыхнулся. Я тоже переступил через труп, который не сгорел полностью, а лишь обуглился.

– Двенадцать человек, – нарушила молчанье Искра. – Только мы выжили. Мы охотились на фибий. Я загоняла, Май ждал, но меня все равно нашли...

– Мы отомстим, – проговорил Май с уверенностью. – Выследим и положим. Хорошо, у них детеныши вместе с ними живут. Если убивать, то всех.

Его ярость стеганула меня кнутом, и мысленно я с ним согласился: маньяков-садистов надо отстреливать, как бешеных собак.

Минут десять шли молча. Остался неприятный осадок, будто я чем провинился перед теми людьми. Май был мрачнее тучи, Искра тоже приуныла – оплакивала кого-то из своих знакомых, возможно, близких родственников.

Оживились мы, когда услышали хруст листьев. Май насторожился, Искра замерла. Будто принюхиваясь, облизнулась и сказала:

– Фибия. Одна.

Они переглянулись, Май кивнул, полез в котомку и вытащил моток веревки, протянул Пригоршне:

– Помоги нам.

– Вы чё, охотиться собрались? – сообразил Никита. – Что от меня нужно?

Пританцовывая от нетерпения, Искра объяснила:

– Я ее заманиваю, вы кладете веревку на землю, и когда фибия приблизится, натягиваете канат.

– И чё? – не понял Пригоршня.

– Она переворачивается кверху лапами, а мы ее добиваем.

– Во как.

Что это за дрянь такая? На ум пришел стишок: «Жук упал и встать не может, ждет он, кто ему поможет».

Тем временем Пригоршня и Май размотали веревку и притаились за гигантскими стволами, а Искра рванула на звук, стараясь шуметь как можно больше.

– Эй, еда, иди сюда! – донесся ее голос.

Вскоре она появилась – мчала, побивая рекорды, а за ней гнался трилобит наподобие того, что мы видели раньше, только у?же, и на длинных ножках. Я предусмотрительно отступил к дереву, девушка перепрыгнула через веревку, а когда трилобит наступил на нее, Пригоршня и Май вскочили, натянули ее и вздернули вверх. Под боевой клич Мая трилобит вскинулся и перевернулся на спину. Искра обернулась и схватилась за ствол, пытаясь отдышаться – она переоценила силы, не стоило ей перенапрягаться после ранения.

Фибия вертелась и сучила лапками, Май подбежал к добыче и разворотил ей башку из гаусс-пистолета. Тварь немного подергалась и затихла, лишь тонкие ножки, коих было множество, все еще сокращались. Май выхватил тесак – такой же, как у Пригоршни, только черный, – и вонзил его между сегментами брюшка. Пластина с треском поднялась, явив нашему взору черно-бурое нутро в обрамлении белого мяса, которое Май тотчас принялся срезать.

С туши фибии получилось килограмма три белого мяса. На труп, откуда ни возьмись, сбежались мелкие жуки, похожие на бронированных муравьев, и приступили к трапезе. Май завернул мясо в ткань – что-то среднее между

бумагой и полиэтиленом – положил в котомку.

Короткая охота подняла настроение аборигенов, смерти односельчан отодвинулись на задний план. Видимо, в адских условиях постоянно кто-то умирал, привыкнуть к такому невозможно, но воспринимать смерть, как само собой разумеющееся – вполне по силам.

– Как выглядит Небесный город? – спросил Пригоршня, когда мы продолжили путь.

Искра, шедшая впереди, дернула плечом:

– Говорят, что он летает в воздухе. Никто из деревенских его не видел, даже старейшины. Остается верить горожанам, хотя мне не очень-то представляется, как целый город летает и не падает.

– Скорее всего, легенда, – согласился Май.

Я поинтересовался:

– А почему вы не сходите на него посмотреть? Там, насколько я понял, безопасно.

– Зимой идти нельзя – замерзнем, весной и летом – некогда. Да и зачем? Все равно там мало места, и нас туда не примут. Мы, правда, мало знаем, спроси лучше у старейшин.

Дальше шли молча, прислушиваясь и приглядываясь к мелочам – а вдруг аномалия? Искра заметила мою настороженность и спросила:

– Ты чего дергаешься постоянно?

– Здесь у вас случаются аномалии. Идешь-идешь, а потом р-раз – и расплющило тебя...

– Ааа, – протянул Май. – Это ловушки. Мы знаем все места, где они есть. Там еще разные полезные штуки образуются, мы их горожанам продаем.

– У нас они называются артефактами, – ответил Пригоршня. – А чего себе не оставляете?

– Не знаем, как они работают. Горожане проводят опыты, выясняют и используют. На наших добровольцах проводят. Кто выживает, остается в городе. Один такой, мой двоюродный брат Юль, до сих пор к нам приезжает, небылицы рассказывает. Преобразился человек, важным стал, холемым. Ему повезло: остальных, кто уехал, мы больше не видели.

– Здесь, – Искра прервала нашу беседу, остановилась и повертела головой.

Глава 3

Как девушка ориентировалась в сплошном переплетении ветвей и одинаковых исполинских стволов, для меня осталось загадкой – ни одной тропы я не заметил, в сухих листьях не оставалось следов. Тем не менее, Искра шла уверенно и привела нас к своей родной деревне.

Я прислушался и принялся, но ни деревенского шума, ни запахов, отличных от лесных, не услышал.

Аборигенка вставила два пальца в рот и четыре раза свистнула – коротко, через равные промежутки. Мы с Пригоршней переглянулись. Никита скинул рюкзак и, покопавшись в нем, достал «миелофон». Ребята следили за нами с вялым изумлением: мало ли, чего можно ждать от чужаков... Напарник кинул артефакт мне, я поймал, и сразу голова наполнилась чужими голосами. Когда рядом думал только Никита, ориентироваться было легче.

– Засада, – настойчиво бубнил Пригоршня, – приготовься к бою. Прием, прием! Слышишь меня? Наверняка засада.

– Чудные какие, – думала Искра, – особенно этот. Со сковородкой на голове.

Я поперхнулся, поняв, что девушка имеет в виду шляпу Никиты. Ох, с каким удовольствием я это озвучу!

- Что это он делает? - думал Май. - Зачем ему камень?

И никакой полезной информации. Я решил подождать, но через минуту-другую надоело: все трое по-прежнему пялились на меня. Искра фантазировала на тему того, каким милым будет Никита, если его переодеть, иногда прорывались мысли о какой-то Ами; Пригоршня сосредоточенно думал про засаду; Май оценивал, сколько неприятностей мы можем принести - он не доверял пришельцам.

К хору внутренних голосов внезапно примешались новые. Кажется, люди довольно далеко, но приближались - мысли зазвучали громче и отчетливее, но были сумбурными, не оформленными словесно - просто обрывки информации («корень, листья, вызов»)... Я сунул артефакт в карман и на всякий случай поднял ружье.

К нам вышли трое.

Вопреки фентезийной обстановке, выглядели они вполне цивилизованно: в серой форме наподобие нашей «хабэшки», явно предназначенной для удобного и незаметного перемещения по лесу, в высоких сапогах, плотно облегающих голень, и в банданах вездесущего серого цвета. Все - мужчины, и все вооружены короткоствольным оружием, по форме напоминающим водяные пистолеты, только черным и тяжелым. Что меня удивило - все они были или светловолосыми, или рыжими и походили друг на друга.

Завидев нас, они встали, как вкопанные. Один прицелился в нас и заговорил так быстро, что я не понял ни слова.

- Не стреляйте! - Искра вышла вперед. - Это свои!

- Горожане? - спросил один из патрульных с интонацией, с которой в Москве говорят о «понаехавших».

- Нет-нет, не горожане, путники, но друзья. Им нужно к старейшинам.

Второй заметил кровь на ее тулупе и дырку от копья. Рванул к ней, но она его жестом остановила:

- Нечисть напала на Южную. Погибли все, кроме нас.

Первый разразился потоком проклятий, второй сдержался. Воины, стоящие за их спинами, разбежались. Издали донеслись горестные женские возгласы, где-то заголосила баба. Ее крик подхватила другая.

- Они понимают наш язык? - продолжил первый, он сохранял самообладание, но уголок века дергался. В небольшой общине все были друг другу родственниками, наверняка и у него погиб кто-то из близких.

- Понимаем, - встрял Пригоршня. - Оружие опусти.

Он, между прочим, держал дробовик, зажав приклад между локтем и ребрами. «От бедра» стрелять не очень удобно, зато быстро - не нужно вскидывать оружие - и с близкого расстояния дробью точно не промахнешься.

- Добро пожаловать, - не опуская своего «водяного пистолета», произнес патрульный. - Если вы пришли с миром, опустите оружие первыми.

Я перешел в позицию для патрулирования, свободно повесив винтовку на руке и опустив ствол под сорок пять градусов. Так почти не устаешь, а перейти в боевую стойку можно практически мгновенно. Пригоршня помедлил и последовал моему примеру. Второй патрульный немного расслабился и тоже опустил оружие.

Сдавать ружье и винтовки от нас не потребовали, обыскивать не стали. Наверное, в этом мире все люди считались изначально дружелюбными, не существовало междоусобиц, внешний враг все-таки объединяет.

Следом за серыми мы пошли дальше. Вскоре я заметил, что лес становится более обжитым: меньше листьев под ногами, нет тонких деревьев, корни облагорожены - подпилены так, чтобы удобно было проходить, не пригибаясь.

Через особо зловредные выступы переброшены мостки.

При этом нам не попадалось местных и по-прежнему не было заметно признаков жилья.

Я окончательно утратил чувство направления, да и ветер – наша стабильная подсказка – стих.

Вскоре мы уперлись в живую стену. Высокие, метров под пять, колючие, покрытые мелкими серыми листьями кусты были знакомы – похожие водились в Зоне.

Гениально! Манипуляторы могли брать под контроль мало-мальски разумных существ, даже насекомых, хищные растения им неподвластны.

Почувствовав приближение людей, кусты зашевелились.

– Они опасные? – спросил я у провожатых, одним вопросом выдав в себе чужака.

– Ручные, – ответила Искра, – если бы вы пришли одни, они бы вас схватили. С нами не тронут. Защита.

Я думал, что в живой изгороди будет проход, но «серый» патрульный свернул к одному из деревьев и принялся карабкаться по коре, отполированной множеством прикосновений. Мы последовали за ним, рюкзак ощутимо мешал. Одна из нижних ветвей, как мост, была перекинута через заграждение, и по ту сторону живой изгороди с нее тянулась веревочная лестница.

Вопреки ожиданиям, за кустами оказался такой же лес.

На развилке нас встретил вооруженный патруль из пяти «серых». Чужаки их удивили, но не слишком – наверное, нас снова приняли за «горожан».

Шириной ветка была метров пять у основания, не сильно покатая, но все равно идти по ней оказалось страшновато. Искра, Май и серые двигались свободно и явно не испытывали никаких неудобств. Мы же с Пригоршной шли медленней, и мне очень не хватало перил – все-таки до земли около шести метров, падать

ВЫСОКО...

Благополучно миновав мост, мы спустились по веревочной лестнице.

- Вот мы и на месте! Дома! - проговорила Искра, раскинув руки. - Мне нужно к родителям - сказать, что я жива. Заходите в гости, друзья!

На месте? Дома?! Но я по-прежнему не видел ни одной постройки!

- Офигеть, - тихо выдохнул Никита, - ты глянь. Натуральные, блин, эльфы!

- Да где?!

- Да везде. Вон, глянь, на дереве - лестница!

И тут я словно прозрел. Ожидая привычных построек, не обратил внимания на очевидное: жилища аборигенов были оборудованы прямо в деревьях-гигантах. Видимо, как я и подумал в самом начале, размер и строение деревьев позволяли сделать комфортные комнаты внутри, выдалбливая ствол.

Если бы здесь снимали «Властелина колец», и навстречу нам вышла владычица Галадриэль, я бы понял сразу. А так был, мягко говоря, шокирован: веревочные лестницы и лестницы, вырубленные в коре. Двери - тоже из коры - закрывающие входы в дупла. По земле никто не передвигался, но задрал голову, я увидел пешеходов, снующих по своим делам по ветвям. В развилке, обнесенной веревочной изгородью, возились малыши под присмотром взрослых детей.

- Нам туда, - «серый» повел нас по поверхности, за что ему отдельное «спасибо».

Через несколько минут мы приблизились к одному из исполинов. Велев обождать, провожатый взлетел по выступам коры и скрылся за дверью, не распахивающейся, а сдвигающейся вбок.

Мы с Никитой ошарашенно молчали.

Вот, казалось бы, ничем бывалого сталкера не проймешь: и смерть мы видели, и аномалии, и всякое, в обыденное сознание не укладываемое. Наверное, только поэтому и не растерялись, оказавшись в незнакомом мире: привыкли быстро перестраиваться и в первую очередь верить не опыту и здравому смыслу, а интуиции и собственным глазам. Но здесь на это потребовались немалые усилия – слишком уж невероятным было поселение аборигенов.

– Поднимайтесь! – дверь снова отъехала в сторону, и провожатый высунулся наружу. – Старейшина Головня согласен с вами побеседовать. Но вещи и оружие оставьте внизу. Их никто не тронет.

– Вот еще, – пробормотал Никита, сбрасывая рюкзак и кладя рядом длинностволы.

Ножи и пистолет он оставил при себе. Я последовал примеру напарника. Нас не обыскивали.

Мы поднялись по подвесной лестнице, сплетенной из волокон коры, нырнули в невысокую (пришлось пригнуться) дверь и оказались в жилище старейшины Головни.

Здесь было сумрачно и тепло. Только теперь я понял, как стосковался по теплу, насколько замерз – немедленно начал колотить озноб, да так сильно, что зуб на зуб не попадал. Рядом разве что чуть послабей колбасило Никиту.

– Проходите к очагу, – раздался мягкий женский голос, – я принесу согревающего питья. Молодежь... все вам кажется, что летом жарко. Ходите легко одетые – вот и промерзаете, а так и заболеть недолго.

– Не отчитывай гостей, Мила, разве ты не видишь – они городские, не здешние, – проскрипел старческий, но все еще полный сил голос.

Из полутемной и тесной прихожей мы попали в довольно большую круглую комнату, лишенную окон. Стены были забраны гобеленами – настолько яркими, что глаза, привыкшие к приглушенным краскам этого мира, заболели. На тканых картинах были изображены сверкающие города, синее море, невиданные цветы, грациозные люди в облегающих комбинезонах... Видимо, прошлое планеты.

Старейшина Головня, пожилой мужчина с остроконечной седой бородой, ждал у стола, оборудованного по примеру японских: сам стол низкий, в центре – жаровня с углями, сидеть нужно на подушках, укутав ноги плотной, как одеяло, скатертью. При виде нас совершенно седая женщина, склонившаяся над столом, выпрямилась, закинула на спину длинную косу и грустно улыбнулась. Полумрак скрывал мелкие морщины на лице, и оно казалось молодым. Освещало помещение несколько настенных ламп в матовых колпаках абажуров. Принципа их работы я не понял.

– Присаживайтесь, – проговорила женщина и отодвинулась, пропуская нас к столу.

Мы представились, опустили на подушки и сунули ноги под стол. Непривычно, но удобно. Ниспадающая скатерть, видимо, обеспечивает теплоизоляцию, и ногам теплее, чем остальному телу.

– Мила сейчас принесет еду и питье. Меня зовут Головня, я рад приветствовать в своем доме гостей. Кто вы и откуда? От патрульных знаю, что вы не из Небесного города.

– Ты прав, – ответил я. – Мы вообще не отсюда. Мы издалека.

За спиной закутанного в шкуру старика – сморщенного, с белой длинной бородой и забранными в хвост редкими волосами, красовались вытканые зеркальные города и прозрачные яркие капли флаеров в бездонном небе. Головня проследил мой взгляд и нахмурился.

– Насколько – издалека?

Что старейшина знает о прошлом своего мира, как ему объяснить, поймет ли он? Судя по гобеленам – какая-то память должна была остаться. Судя по оружию – сохранились и технологии, но, видимо, лишь в Небесном городе.

– Мы из другого мира, – брякнул Никита.

Да уж, пока я сомневался, он решил рубануть правду-матку.

Головня не удивился.

– Сейчас мы поедим и выпьем горячего, чтобы вы не заболели. А после поговорим.

В комнату вошла старуха, жена Головни, которую он называл Милой. Теперь я разглядел ее лучше и понял, что ошибся: была она классической «бабушкой» в представлении всякого на постсоветском пространстве – с глубокими морщинами в углах губ и «лучиками» вокруг глаз. Вот только вместо традиционной «гульки» на затылке – длинная коса. Я сразу расслабился, от старушки так и веяло уютом. И еще – в руках она держала поднос с чем-то вкусным.

Пригоршня заинтересованно принялся.

Мила водрузила на жаровню котелок, под крышкой которого тотчас аппетитно забулькало, выставила глубокие глиняные плошки и пиалы и разлила по ним из кувшина с широким горлом пряный отвар. Мы нерешительно переглянулись: мясо, которым угощал Май, было вполне съедобным, но это не значит, что остальную еду примут наши организмы.

– Еще мама моей мамы, – нараспев сказала бабушка, – готовила по этому рецепту. Напиток называется «летний огонь», и лучше ничего нет от переохлаждения, разве что растереть замерзшего ядом горного вепря.

– За едой не говорим о делах. Это традиция, – предупредил Головня.

Мы потянулись к чашкам. Двум смертям, как известно, не бывать, а одной не миновать. «Летний огонь» пах медом и мелиссой, и, кажется, коньяком. Никита вдумчиво принялся, осушил пиалу в один глоток и блаженно зажмурился. Я последовал его примеру: тепло прокатилось по пищеводу и разлилось по всему телу. Мила положила нам еды. Некоторое время мы молча жевали нежное дымящееся жаркое, наслаждаясь покоем и уютом.

Головня первым закончил трапезу (поклевал как птичка), кивком отослал Милу и внимательно посмотрел на нас, сложив руки на животе. Пригоршня вытер губы тыльной стороной ладони. Глаза напарника осоловели, и думаю, я не сильно от него отличался – расслабился, спать захотел.

Невероятно, что мы нашли здесь людей. Если верить Искре, в деревне есть телепорт, если очень повезет, мы попадем домой, но даже если нет – выживем, не умрем от голода, жажды, радиации, неизвестных опасностей.

Тем более, аборигены настроены дружелюбно и кажутся неплохими людьми.

– Значит, вы – не люди? – взял быка за рога старейшина.

– Почему же? – опешил я. – Люди. Ничем не отличаемся от вас.

Старик слегка улыбнулся, склонив голову к плечу.

– Не в том значении. Есть мы, люди из леса. И есть горожане – люди из летающего города.

– Летающий? – удивился Пригоршня, Головня торжественно кивнул. – Он прямо-таки по воздуху летает? Целый город?

– Народ? – перевел я беседу в другое русло: местные должны видеть в нас людей.

Головня вскинул седые брови:

– Не понимаю. Люди. Те, кто живет в лесу, и те, кто живет в Небесном городе.

Настала моя очередь улыбаться и кивать. Значит, «люди» – самоназвание. Наверное, последняя война уничтожила большую часть населения и размыла границы между отдельными племенами.

– Вы пришли из другого мира, но вы близки нам, поэтому будьте нашими гостями. Вы же спасли Искорку. Хорошая девочка, пусть и зимняя. Но и мой брат, достойный муж, – из зимних детей... Впервые вижу пришедших издалека и не знаю, о чем вам рассказывать, а вас наверняка терзают вопросы.

– Да, – оживился Никита, – терзают. Где у вас отхожее место?

– Мила! – гаркнул Головня.

Бабушка появилась в комнате, как джинн – моментально и незаметно.

– Проводи иномирца в нужник!

Никита встал и вышел следом за Милой, а Головня уставился на меня. Глаза у него были черные, но с золотистыми крапинками, и вправду напоминали угольки.

– Ты главный у вас? – спросил старейшина.

– Нет, – вздохнул я, – просто более осмотнительный и вежливый... Скажи, Головня, на гобеленах – прошлое вашего мира? Что-нибудь уцелело с той поры? Пока мы шли к лесу, видели развалины древнего черного города...

Головня загрустил.

– В степи и холмах сейчас плохо. До сих пор грязно, следопыты возвращаются больные, и даже в Небесном городе нет лекарств. Говорят, пройдет еще много лет, прежде чем там можно будет жить. Нас хранит лес. Все города, кроме Небесного, были разрушены Войной.

– А кто и с кем воевал? – осторожно поинтересовался я.

– Воевали люди и нечисть. Мы всегда воюем. Невозможно жить рядом с ними. Они истребили сотни тысяч, миллионы людей. Они погубили нашу цивилизацию и почти угробили наш мир!

– То есть... ядерную войну начали манипуляторы?! Нечисть? Они разумны?

– Не в нашем смысле этого слова, – отчеканил старик. – Они лишены созидания, лишены милосердия, любви, ими движет лишь страсть к разрушению. И так было всегда. Они не просто жестоки, они бессмысленно жестоки! Если нечисть может убить кого-нибудь, пусть и погубив себя и соплеменников, – сделает это. Они не образуют семей, у них нет друзей. Они рыщут по лесу и уничтожают людей. Говорят, в древние времена они овладели разумом людей, контролирующих

ядерное оружие. И боеголовки полетели в мирные города...

В «мирные города», в которых установлены ракетные комплексы, я не очень верил, но тактично промолчал. Наверное, это было оружие сдерживания, которым люди отгородились от манипуляторов.

– А нечисть может жить в зараженных городах?

– К счастью, нет, – отрезал Головня. – Пусть наша цивилизация погибла, но проклятый враг не удержался на краю пропасти! Их становится все меньше, к тому же нечисть не может проникнуть в Небесный город. Скоро они вымрут, и люди вновь станут хозяевами этой земли.

Оптимистично, однако. Вернулся Пригоршня, сел на место, с интересом покрутил головой. Я решил поубавить интерес, и с исторической справки перешел к насущным проблемам.

– Головня, мы бы хотели вернуться домой, – сказал я.

Старейшина не удивился.

– Чем я могу вам помочь, гости?

– Искра сказала, у тебя есть телепорт...

Головня недоуменно вылупил на меня. Черт, как бы объяснить так, чтобы он понял?

– Помещение за железной дверью, связь с другими местами!

– А как же, есть, – старейшина почесал в затылке. – Рубка связи. Там я веду переговоры с Небесным городом – надо же о поставках условиться, об обмене...

У Никиты вытянулось лицо. У меня, кажется, тоже. Ладно, уговаривал я себя, ничего страшного не произошло. Вряд ли сюда можно было попасть, а отсюда – никуда. Выход наверняка найдется. По крайней мере, мы не умрем с голоду. Об этом не следует забывать: не наткнись мы на Искру и Мая, наши дни были бы

сочтены. И неизвестно, холод ли, жажда или манипуляторы прикончили бы нас быстрее.

– Значит, из деревни нам не попасть в другой мир?

– Нет, – покачал головой старейшина. Он выглядел расстроенным. – Вам Искра сказала, что можно? Она ошиблась. Молодым не положено знать, где у нас что. Если они попадут в лапы врага, то не смогут хранить секреты, нечисть придет и уничтожит нас. Потому все знаем только мы, старейшины, и мы не покидаем поселок. Но я слышал, что в Небесном городе есть такое устройство. Предки умели перемещаться между мирами, и, когда был создан Небесный город, все достижения науки были представлены в нем. Наверное, и врата в другие места... Конечно, не исключено, что это легенды, как многое, что рассказывают о горожанах, но я сам был там и видел вещи, которые объясняются лишь чудом.

– А далеко до Небесного города? – спросил Пригоршня.

Он не умел долго унывать и наверняка уже прикидывал, хватит ли нам патронов и сколько нужно взять с собой еды.

– Два дня пути – через Великую топь и Серую пустошь. Следопыты знают дорогу. Они ходят к Небесной пристани каждый год, чтобы передать продукты и забрать необходимое. Ходят и когда нужно что-то срочное – лекарство или оружие. Правда, они никогда не поднимались в Город – порядки строги, строг карантин. Но вас, пришельцев из другого мира, могут пустить. Я свяжусь с горожанами.

– Так ты дашь нам провожатых? – обрадовался Никита. – А можно, чтобы пошли Искра и Май?

Вряд ли он так быстро забыл Энджи, скорее, просто хотел отправиться в путь с уже знакомыми и симпатичными ребятами.

– Сейчас не могу, – вздохнул Головня. – И вы не можете выйти в путь.

– Но почему?! – опешил я.

– Потому что, – старейшина смотрел в пиалу, где остывал целебный отвар, – сегодня утром стало известно: на деревню движется стая нечисти. Мы уже потеряли много людей, и теперь каждый боец на счету.

– Нас посчитай, – внезапно сказал Никита. – Мы тоже – бойцы.

* * *

Теперь стало понятно, почему внизу, под деревьями, никого нет: деревня готовилась к бою. Головня перепоручил нас заботам Искры и Мая, переодевшихся в серый камуфляж. Ребята были сосредоточены и казались старше, серьезнее. Май оглядел нас с Пригоршней и вынес вердикт:

– Отдохнуть и переодеться.

Мы, если честно, не возражали: устали, в грязи извалялись как свиньи. Спустившись, взяли наши вещи и оружие, нацепили рюкзаки.

Искра повела нас во временное жилище – не казарму, а отдельное жилое дупло. По дороге (мы передвигались не по верхнему ярусу, а традиционно, по земле, шурша листьями) она ввела нас в курс дела:

– Нечисть не кочует, остается в лесу. Они уже объединялись и нападали на нашу деревню, но в холода, когда природа бесплодна, и нечисти нечего жрать. Пусть они безмозглые, но уяснили: мы дадим отпор. Правда, никогда прежде нечисть не собиралась такой толпой... Моих друзей убил маленький отряд, наверное, разведка. Наши разведчики доложили, что на деревню идет целая орда.

– Искра, – спросил я не к месту, – а как здесь зимой?

Налетевший ветер принес снежный заряд, с летом и теплом не ассоциирующийся.

Девушка замедлила шаг и посмотрела на меня внимательно.

– Снег устилает землю так, что мы ходим по ветвям, как по тропинкам. Сугробы поднимаются до самых дверей жилищ. Снег падает несколько месяцев, потом приходит время Стужи. Небо становится синим, тучи исчезают, и солнце светит так, что мы ходим в черных очках. Деревья трещат от мороза, а снег внизу становится хрупким. Чтобы выйти из дома, нужно закрывать все тело – иначе замерзнешь, покроешься инеем... – Она помолчала и добавила: – Зима длится так долго, что кажется вечной. Мы сидим в домах, ходим в гости, мастерим, рассказываем истории и зачинаем детей. Но никогда не называем малышей зимними именами. После каждой зимы людей становится меньше... И, хоть никто не говорит, именно поэтому нас, детей зимы, не любят: чтобы выжить, мы забрали чью-то силу и чью-то жизнь. Родив меня, умерла мама.

Ее простой рассказ пробрал меня мертвенным холодом до глубины души. Попади мы сюда зимой – враз окоченели бы.

Негостеприимный, холодный, жестокий мир. Удивительно, что люди не одичали. Наверное, причиной тому – Небесный город, оплот цивилизации.

– Вам нужно выспаться, – совсем другим тоном сказала Искра. – Отдыхайте, я вас разбужу.

Мы стояли у корней очередного лесного исполина, и ступеньки в коре вели к овальной двери.

– Орда движется медленно, – пояснила Искра, – и у вас будет время поспать. Внутри тепло, этот дом... это – наш с Маем дом, но мы заняты. Постели я разобрала. Если вы голодны...

– Спасибо, – заверил я, – Головня нас накормил.

– В таком случае, ложитесь спать. Теплую подходящую одежду я сложила рядом с кроватями, а оружие вам выдаст Май, когда вы отдохнете.

По ступенькам мы поднялись в жилище, почти ничем не отличающееся от дома Головни.

– Блин, – сказал Никита. – Сейчас как упаду, как вырублюсь – сразу часов на десять глаза заведу!

Я мысленно согласился с ним. Мы разделись и рухнули спать, даже не озаботившись вопросом, как выключить свет.

Перед глазами тут же сплелись цветные спирали, и я погрузился в то странное состояние полубреда-полусновидения, которое бывает от крайней усталости, ведь с начала нашего путешествия по миру вечной зимы мы с Пригоршней впервые были в безопасности, тепле и могли расслабиться. Сознание тут же воспользовалось этим и вывалило на меня ворох пережитого: телепатов на трилобитах, выпотрошенных людей, развешенных на деревьях, черные печные трубы сожженной деревни, пустой разрушенный город, сопки, живность, аномалии. Май и Искра тоже пришли в мой сон, но лицо у девушки было лицом Энджи, и она раз за разом гибла у меня на руках, а достать артефакт я не успевал. Потом, видимо, сжалившись, мозг продемонстрировал разные варианты картинки «что такое Небесный город», но футуристический пейзаж несколько портили взрывы и клубы дыма...

Проснувшись, я не сразу понял, где нахожусь. Сердце бешено колотилось, я был потный, мокрый, дрожащий. В совершенно темной комнате недалеко похрапывал Пригоршня. Повернувшись на другой бок, я собрался отдохнуть еще, но тут за стеной зашумели, кто-то вошел, и тут же зажег свет.

По глазам резануло, я прикрыл их рукой.

– Подъем, – сказала Искра. – Просыпайтесь, друзья. Нам нужны все. Враг уже близко.

Глава 4

Кое-как натянув серую форму, подошедшую по размеру и оказавшуюся на редкость удобной – костюм защищал от холода и ветра, но при этом не сковывал движения, – мы с Никитой подхватили оружие и кинулись за Искрой – наверх, на

ветви.

Стояла ночь, было практически темно, только высоко в кронах деревьев горели светлячки фонарей, да в сторону стены били прожекторы, выхватывая из лесного мрака изгородь, шевелящуюся активней обычного.

– Нечистые плохо ходят по деревьям, – объясняла Искра, – они сильнее всего на земле. Нас спасает, что на расстоянии их сила уменьшается.

Мы достигли широкой горизонтальной ветви, по которой спешили жители деревни: мужчины и женщины в сером, почти все вооруженные, с небольшими тусклыми ручными фонариками.

– У нас мало патронов, – сказал Пригоршня Искре. – Мы не сможем много стрелять.

– Май что-нибудь придумает. Он там, – Искра кивнула на соседнее, ближайшее к стене, дерево, – брат командует этим сектором.

Девушка двигалась по веткам с завидной ловкостью, Пригоршня едва поспевал за ней, да и я тоже. Впрочем, мы старались. Всеобщее возбуждение и предвкушение боя передалось и нам. Кроме того, прыгая ночью по веткам огромного дерева, очень сложно поверить, что все происходит по-настоящему и на деревню действительно идут враги. Да что там – сложно поверить в существование такой деревни!

Мая мы нашли через несколько минут. Он устроился в развилке ветвей, наблюдая за лесом в подзорную трубу.

– Пригоршня и Химик прибыли! – приглушенно рявкнул Никита.

Командир вздрогнул и уставился на нас, как на сумасшедших.

– У нас так принято, – пояснил напарник, смутившись. – Командуй, Май. Мы оба – опытные бойцы.

– Дело не в умении драться, – тихо сказал парень, – а в том, насколько быстро нечисть подчинит ваш разум. Случается врожденная способность противостоять им, но редко, кто-то упорно тренируется и достигает результатов, лучше всего сопротивляются старики – их разум уже сформировался и заостенел, сложно повлиять на мнение старого человека. Но старики много знают, поэтому не стоят в первой линии.

Пригоршня поморщился, пытаясь что-то сообразить. А меня осенило:

– Мы невосприимчивы к их влиянию. В нашем мире тоже есть нечисть, мы называем их манипуляторами и умеем бороться. У нас есть специальные приспособления, правда, всего лишь два, чтобы держать разум закрытым.

– Точно! – оживился Никита. – У меня в рюкзаке остались арты...

– «Луну» от пси-воздействия ты брал? – бросил я.

– Да, две штуки. Тебе дать?

– Спасибо, есть. Как почувствовал, что пригодится. «Светляка» возьми, вдруг лечиться придется.

– Сейчас сходим и заберем, – ответил я. – Ты, командир, лучше расскажи, какой план, что делать будем?

Май улыбнулся жутковато:

– Будем героически и не очень умирать.

После такого оптимистичного вступления он посвятил нас в план защиты. Основная проблема была в том, что манипуляторы-нечисть могут подчинить себе любого человека. Как долго он продержится – вопрос личной устойчивости, но обычно речь идет о нескольких минутах, и редкие герои сопротивляются полчаса. Чем ближе манипуляторы и чем их больше, тем хуже. Поэтому в первом ряду защиты – на стене и на ветвях деревьев перед ней – стоят самые психически сильные. За ними, на некотором расстоянии – вторая шеренга. Люди из второго ряда бдительно следят за первыми, чтобы вовремя заметить

попавшего под воздействие манипулятора и убить его. И занять его место... Старики и те, кто много знают, укрываются в глубине деревни вместе с детьми, легко попадающими под воздействие и бесполезными в бою. С верхних ветвей врага обстреливают, обороняя периметр.

Просто и безысходно.

– На нас идет орда, и первые отряды уже близко, – закончил свой рассказ Май. – Против такой толпы нечисти нам не выстоять. Мы все готовы умереть.

– Помощь из Небесного города? – спросил Пригоршня.

Май пожал плечами.

– Я ничего не знаю. Это знает только Головня, остальным – ни к чему.

И правда, если противник может заниматься «психическим шпионажем», о наших планах ему знать не обязательно. А значит, и нам не обязательно.

– Какое оружие есть? Взрывчатка?

– Только обычное. И того – не очень много.

Заметив наше недоумение, Май пояснил:

– Горожане снабжают нас необходимым, но не сверх того. И у них сейчас, наверное, не самые лучшие времена – поставки становятся все меньше. Я могу дать вам по одному пистолету...

– Не нужно. Мы не умеем с ним обращаться, – Никита поморщился. – Будем пользоваться своим. Но у нас боезапас ограничен, уложить всех врагов мы не сможем. Нужно подумать.

Командир поднял руку раскрытой ладонью вперед, призывая замолчать:

– Об этом мне тоже нет необходимости знать. Действуйте, я доверяю вам, вы же люди. Если выживем, скажу спасибо. Если нет... Я не верю в загробный мир, и вряд ли мы встретимся там. Так что позвольте выразить радость от нашего знакомства, пусть и такого недолгого.

Мы обменялись короткими крепкими объятиями. Меня начало потряхивать, как бывало при приближении Выброса – наверное, я чувствовал орду манипуляторов, а может, в крови просто поднялся уровень адреналина.

– Отойдем, – бросил мне Пригоршня.

Мы свернули в сторону от основной «магистральной» и сели на шершавую кору.

Никита поправил шляпу, никак не гармонирующую с серым защитным костюмом.

– Значит, так... Умирать нам не нужно. Но помочь ребятам мы обязаны, иначе их всех перебьют. Да? – я кивнул. – Сейчас соберем боеприпасы и артефакты и подумаем, что делать. Возражений нет?

– По первому пункту нет. По второму... не представляю, как мы это сделаем. В лесу не ориентируемся, да и темно. Будем светить фонариками – нас тут же заметят. К тому же, если и правда идет орда, то всех не перебьем.

– Значит, заставим их поверить в то, что нас много. В помощь из города я что-то не верю. Видимо, горожане – те еще жлобы, раз оружия не дали... И надо всегда рассчитывать на худшее.

– Согласен. Пойдем за артами – авось по дороге мысль в голову придет.

Мы чуть не заблудились, но все-таки нашли дом Искры и Мая.

Патронов у нас было в самый раз для диверсии, но маловато для войны. Плюс – несколько зарядов для гранатомета, пять «лимонок», фонарики и, собственно, все.

– Если потащим все оружие, будем громкими и медленными, – заметил Пригоршня. – Это тебе не псевдоплоть валить, тут думать надо. Возьмем

винтовки и пистолеты. Дробовик оставим – ни к чему. Гранаты возьмем.

Я кивал, перебирая контейнеры с артами. Взял один небольшой, положил туда «луну» и «светляка». В голове крутилось навязчивое «врагу не сдастся наш гордый “Варяг”».

Вот уж не думал, не гадал, что буду рисковать жизнью в чужом мире, защищая чужих людей. Мы могли бы, конечно, сбежать, но тогда шансы отыскать Небесный город и вернуться домой, как и шансы просто выжить здесь, стремятся к минус бесконечности.

Дверь отъехала в сторону, впуская морозный (ночью похолодало) воздух, и вошла Искра. Она выглядела немного сконфуженной и расстроенной.

– Май меня отослал. Хотя я хорошо сопротивляюсь нечисти! Отправил внутрь, даже во второй ряд не пустил. Плохо быть ребенком зимы...

– Просто он о тебе заботится, – объяснил я девушке. – И очень хорошо, что ты здесь. Расскажи, что знаешь, про повадки нечисти и их верховых моллюсков.

– Это ты про фибью? Обычный тупой зверь, шустрый и громкий, может затоптать. Ест траву и мелких зверушек. Защищает территорию. В общем, на них легко охотиться, самое трудное – пробить панцирь. Если фибью ведет нечисть, зверь лишается своей воли и послушен седоку. Если сбить седока, фибия пугается и убегает, сшибая своих. Глупое же животное.

– Хорошо, – медленно проговорил я, – а их седоки? Вся нечисть на фибиях?

– Если идет орда – нет. Столько фибий не найдешь во всем лесу! Часть нечистых идет пешком.

– Они вооружены?

– Копья. Палки. Каменные ножи и то оружие, которое отняли у людей. Но отнимают мало... Мы не даемся с оружием в их лапы.

– Искра, насколько все-таки умна нечисть? – задал я самый главный вопрос. – Если они не смогут заглянуть в мой разум, поймут ли, что я замыслил, по поступкам?

– Не знаю. Когда их много, они умнее. Будто все вместе. По одиночке совсем глупые. Но все равно они тупее людей, потому что у человека много интересов, а нечисть хочет одного – убивать.

– Кажется, я знаю, что надо делать. Пойдем, Никита.

Мы рассовали запасные магазины по карманам, напялив разгрузки поверх серых костюмов.

– Давай возьмем попить, – предложил Никита. – А то по закону подлости застрянем в лесу без воды.

С этим не поспоришь. К счастью, у местных оказались системы, похожие на кэмелбеки, крепящиеся за спиной и снабженные шлангом с загубником для удобства. Наполнив их водой, мы покинули дом Искры, и по земле, где нас никто не слышал, отправились к живой изгороди.

– Значит, фибии бегают быстро, а впадая в панику, могут затоптать и своего, – принялся излагать я, – фибий много, они, надеюсь, пугливые. Осознал?

Никита в задумчивости поскреб подбородок:

– Осознал. Голова ты, Химик! Основная задача – подобраться к врагу. Но это я возьму на себя. Ты, главное, меня слушай.

В деревне, за оградой, я уже пообвыкся, и во внешний мир выходить, мягко говоря, не тянуло. Не знаю, сколько времени осталось до рассвета, небо было по-прежнему черным. Когда глаза привыкли, оказалось, что деревья слегка светятся, что позволяло не врезаться в них и не спотыкаться о корни, даже выключив фонарики.

Прохода в живой изгороди не было, нам пришлось карабкаться на дерево и спускаться по другую сторону от нее под пристальными и сочувствующими

взглядами «первого ряда» защитников. Я не удержался – сунул руку в карман и сжал «миелофон». Хор голосов:

– Может, они помогут?

– Я долго не продержусь, меня сразу возьмут под контроль и пристрелят.

– Этот, со сковородкой на голове, серьезный тип.

– Город наверняка не придет на помощь. Никто не придет. Мы все умрем! Быстрее бы все это кончилось. Только бы не мучительно.

Я выпустил артефакт. Да, ничего нового не узнал, значит, и манипуляторы ничего нового не узнают. Пригоршня скользнул вниз уже за изгородью, я последовал за ним, и мы остались одни в темном враждебном лесу, кишашем опасными тварями.

При нас были артефакты, гарантирующие защиту от манипуляторов – по крайней мере, от их ближайших родственников из Зоны. А помогут ли от орды здешней нечисти – скоро узнаем.

Никита остановился, тронул меня за руку и указал направление: налево, вдоль стены. В темноте он был едва заметным бледным пятном, сливающимся, если замирал без движения, со стволами деревьев. Я активировал «луну» – она сильнее засветилась голубоватым, пришлось прятать ее в карман.

Тихо, медленно мы пошли вперед. Напарник надеялся, что мы обогнем основные силы противника и зайдем если не с тыла, то с фланга.

– Пригоршня, – тихо окликнул я. – Сейчас ты – командир. Я возьму «миелофон», если что, просто отчетливо думай, я услышу.

– Хорошо, – подумал Никита. – Договорились.

Когда миновали изгородь, Пригоршня командовал идти вглубь, в лес. Он предполагал, что стадо фибий мы услышим издали.

Это было странное передвижение. Шурша листьями и все-таки периодически спотыкаясь о выпирающие корни, мы брели наугад, как во сне. Деревья саванами белели по сторонам. Казалось, мы идем по кладбищу или лабиринту ужасов – немые, слепые, навстречу опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/levickiy_andrey/rozhdenie-zony

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)